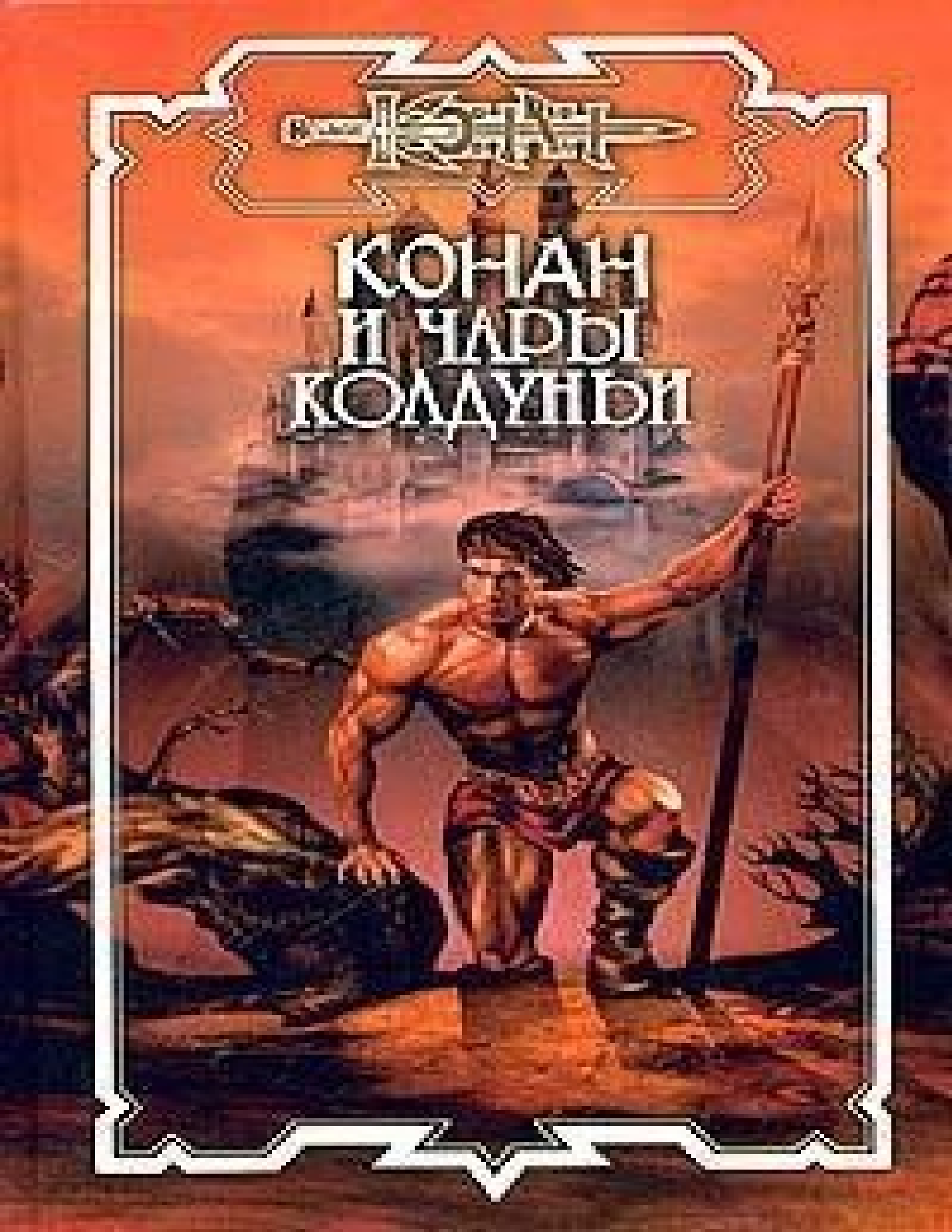
КОНАН
КОНАН
И ЧАРЫ
КОЛДУНЬИ

Annotation

Два рассказа Дугласа Брайана из книги "Конан и чары колдуньи":
*Остров Забвения
* Ледяное безмолвие

-
- Дуглас Брайан
  - Остров Забвения
- Дуглас Брайан
  - Ледяное безмолвие

Дуглас Брайан

Остров Забвения

Всю ночь бушевала буря, и стихла только к утру. Солнце едва показалось ослепительным краем над кромкой моря, и косматые черные тучи, словно испугавшись его, унеслись. Ветер помчался бедокурить в другие края. Отлив обнажил отмель, на которой лежали теперь клубки спутанных водорослей и всякие другие вещи, принесенные штормом.

Рыбачка Катэ славилась тем, что всегда успевала раньше своих подруг обойти пляж после бури, и самые ценные вещи доставались ее семье. В прошлый раз ее трофеи были особенно хороши — две превосходные бочки, изящный стул без одной ножки, роскошный кувшин, запечатанный воском, и большой сундук. В кувшине оказался клочок пергамента, исписанный кругом. Его бросили в огонь — вдруг на нем написано какое-нибудь заклинание? А кувшин дядя Эг приспособил под пальмовое вино.

В сундуке лежала книга с картинками, моток хорошей веревки, две свечи из сала неизвестного животного, полотняные штаны, подошедшие Симу, брату Катэ, нитки, несколько железных иголок для шитья (более прочные, чем иголки из рыбных костей, но не такие острые), связка бус из ярких, вкусных на вид камушков, огромные, как рыбачи лодки, башмаки с пряжками из тусклого желтого металла, темно-синий камзол из толстого сукна, маленькая белая перчатка на левую руку, ножницы, зеркальце и необычайно острый кинжал в лакированных ножнах. Все, кроме книги и башмаков, было важным и нужным. Башмаки обменяли: правый — на мешок пряных кореньев, а левый — на два крючка среднего размера.

Книга была очень красивая, картинки ее изображали диковинных животных, большие корабли, сражения, деревья, людей, одетых так, как одеваются на материке, и еще много чего. Книгу тоже хотели обменять, но дядя Эг сказал, что это просто глупо.

— Это удивительная книга! — объявил он. — Я буду рассказывать по ней всякие истории, пока мужчины отдыхают после ловли рыбы, а женщины чистят улов или чинят сети.

Так оно и было. Глядя на картинки, дядя Эг на ходу придумывал, что именно на них нарисовано, и каждый раз выходило по-другому. Семья слушала, затаив дыхание. Не прошло еще «Время ветра-с-моря», как книга сделалась семейной реликвией. Избранные члены дружеских семей допускались к прослушиванию историй только по особым, праздничным случаям.

Интересно, что подарит море на этот раз? Катэ немного волновалась.

Сначала ей попалась тяжелая, толстая доска, украшенная двумя видами резьбы. Над ней потрудился человек, а после — червь-точильщик. Работа последнего была более искусной. Катэ оттащила доску к песчаному холму, на котором обычно сушились сети ее семьи. Потом долго ничего не находилось, но уже возле самых красных скал Катэ увидела утопленника. Это была скверная примета. Бедняга погиб этой ночью — он еще не распух. Странно было, что волны не превратили тело в лохмотья о береговые острые камни. Утопленник оказался очень крупным мужчиной. Одежды на нем почти не было — только короткие штаны из кожи тюленя. Он лежал на животе, уткнув голову в песок, разметав длинные, спутанные черные волосы. На спине у него лежал меч в ножных, привязанных к телу ремешками.

Мертвецу оружие ни к чему, а вот в хозяйстве такая штука просто незаменима. Можно, например, привязать его к длинной палке — и выйдет замечательный гарпун. Катэ обошла утопленника, склонилась над ним и, ухватившись за рукоять, потянула меч из ножен. Она немного боялась мертвого — и недаром: когда клинок высвободился наполовину, покойник неожиданно поднял голову и укусил Катэ за лодыжку.

Катэ завизжала и отпрыгнула на значительное расстояние. Впрочем, она была храбрая и убегать совсем не спешила. А утопленник, заворчав, совсем как тюлень, сел на корточки и принялся вытряхивать песок из ушей и волос. Ясно, что он был живой. Поглядев на девушку, он усмехнулся, и та окончательно расхрабрилась, подошла к нему и спросила:

— Ты потерпел крушение?

Оживший утопленник вслушался в ее слова, развел руками и замотал головой. Катэ повторила свой вопрос, медленно и раздельно выговаривая слова. Лицо незнакомца от напряженного внимания потеряло всякое выражение.

Девушка, чтобы помочь ему понять, указала пальцем в море. Черноволосый ухмыльнулся, два раза кивнул и тоже вытянул руку в сторону воды. Глаза у него были синие-синие, и это почему-то взволновало Катэ.

Голосом тягучим и густым он проговорил что-то непонятное и показал жестом, как будто пьет из большой раковины.

— Тебя мучает жажда, — догадалась рыбачка. — Пойдем, отведу тебя в деревню.

— Деревню? — повторил незнакомец, разводя руками.

— Да, в деревню. Ну, ты идешь?

Она ухватила его за руку и повлекла за собой. Он немного упирался и все время смотрел по сторонам, не переставая бормотать. Потом замолчал. Катэ обернулась и увидела, что он разглядывает ее ноги.

— Ты чего? — спросила она.

Незнакомец оглядел ее всю, улыбнулся широко, провел ладонями перед собой, словно оглаживая на себе женскую грудь, и жестом выразил восхищение. Катэ тоже захотелось улыбнуться, неизвестно из-за чего.

— Смешной, — сказала она.

— Смешной? — незнакомец ткнул себя в солнечное сплетение и произнес: — Конан!

— Ясно, — кивнула девушка. — Мое имя — Катэ.

— Ка-тэ! — странно улыбаясь, черноволосый коснулся пальцем ее левого соска. Палец был толстый, на вид — огрубелый, но прикосновение вышло нежным, и от него у Катэ зачесалось под кожей.

— Смешной, — повторила она и потащила его дальше через дюны. Ей было слышно, как черноволосый несколько раз, меняя интонацию, произнес слово «смешной».

Сразу за дюнами им навстречу попались Икэ, Вэр и Тиссэ — подруги Катэ. Увидев обоих, они громко засмеялись.

— Аи да Катэ! — кричали они. — Сначала нашла на берегу приданое, а теперь еще и мужчину! Ну да ничего! Он случайно не тритон? Намучаешься, когда будешь метать икру!

Катэ демонстративно отвернулась от них и зашагала дальше.

— Они — глупые, — сказала она Конану, который проводил подруг взглядом.

— Глупые, — повторил тот. — Смешные.

— Ну вот, ты все, оказывается, понимаешь. Идем, уже недалеко.

Дядя Эг оглядел приведенного, цокнул языком и произнес:

— Это человек с материка. Я видел там таких, только на них было больше одежды и обувь, что, по-моему, очень глупо. Зачем им обувь? У них в городах на земле лежат округлые камни или гладкие плиты, а они ходят в башмаках. Посмотрел бы я на них на наших прибрежных камнях!

Катэ прервала его рассуждения.

— Он хочет пить и, наверное, голоден. Ты же знаешь язык людей с материка — вот и поговори с ним. Он уже немного понимает по-нашему, но ты больше о нем узнаешь.

— «Поговори»… Хм. Легко сказать. Давно я не был на материке, — пробормотал старик и поскреб пальцем блестящую коричневую лысину. — Ладно, я попробую, а ты принеси плодов хлебного дерева, пальмового вина

и кусок вяленого тунца.

Сев перед Конаном на корточки, дядя Эг заглянул ему в лицо и спросил:

— Хочешь купить красивую раковину?

— Мне не нужна раковина, — ответил пришелец. — К тому же у меня нет денег.

— Что он сказал? — полюбопытствовал Сим, выглядывая из хижины.

— Благодарит нас за гостеприимство, — отвечал дядя Эг не моргнув глазом.

Огромный орех, доверху наполненный вином, Конан опустошил в три глотка и тут же вонзил зубы в рыбу. Глядя на пустой орех, дядя Эг опечалился. А смуглая сухонькая Марга, мать Сима и Катэ, наоборот, обрадовалась и старалась угодить гостю. Жестами она объяснила, что вяленого тунца нужно сначала макать в пряный соус, а уж потом жевать. Конан с понимающим видом кивал.

— Он останется с нами? — с восторгом спросил Сим. — Вот здорово!

— Не спеши! — оборвал его дядя Эг. — Вдруг он захочет вернуться домой?

— А как он попадет на материк? Разве только на большом корабле из Британии, а когда он еще придет!

— Британия? — выговорил Конан с набитым ртом и сказал на британском наречии: — Здесь колония британцев?

Дядя Эг напряг все свои лингвистические способности. Британский диалект был знаком ему лучше остальных материковых языков, поэтому фраза вышла вполне осмысленная.

— Приходят морем, покупают рыбу, жемчуг, привозят ткани и вещи из металла, — произнес старик и, подумав, добавил: — Капитан Нэш, британец. Хороший человек.

Лицо Конана просветлело.

— Когда? — спросил он, но дядя Эг не смог бы ответить на этот вопрос, даже если бы владел британским диалектом в совершенстве.

— Да он, должно быть, ужасно сильный, — предположил Сим и потрогал бицепс на руке Конана. — Ого! Твердый, как камень. Он один сможет вытащить полную сеть! Я тоже не слабак. Вот, смотри! — Подросток согнул правую руку перед лицом пришельца и продемонстрировал свои упругие, крепкие мышцы.

— Отвяжись от него! — воскликнула Катэ. — И вообще, дайте человеку спокойно поесть!

— А-а! Ты думаешь, что нашла себе новую игрушку! — фыркнул Сим,

после чего немедленно получил от сестры затрещину.

Насытившись, Конан поклонился в знак благодарности, улегся тут же на циновку, подложив под голову кулак, и мгновенно заснул.

Несколько месяцев назад он сел на боевую каравеллу «Морской Змей», чтобы принять участие в охоте на огромного кита-убийцу, утопившего за год больше дюжины британских и аквилонских кораблей. Кит оказался хитер — он выманил каравеллу далеко в океан, дождался бури и, когда команда сражалась со стихией, пробил днище корабля в двух местах. Большая каравелла затонула в несколько мгновений. Конану повезло — он успел вцепиться в какой-то обломок и бешено колотя ногами и руками выплыл из водоворота. Всю ночь буря швыряла его по волнам, от воя ветра болели уши, море ревело… Скоро меч на спине, такой привычный, сделался очень тяжелым и тянул ко дну, но Конан не расстался с ним…

Неимоверным напряжением воли и физических сил он спас свою жизнь и теперь имел полное право расслабиться и передохнуть. Не страшные челюсти кита раскрывались перед ним во сне, не видения ужасной бури — Конану снились смуглые красивые девушки, переступавшие босыми ногами по песку и подставлявшие солнцу и морскому свежему ветру обнаженную грудь. Видеть такие сны необычайно приятно, и Конан сладко улыбался, иногда причмокивая губами. А тем временем почти вся деревня успела побывать во дворе семьи Катэ и посмотреть на спящего пришельца.

— А уж какой он вежливый, и какой почтительный! — расписывала его поведение старая Марта. — Глядя на меня, он все время опускал глаза. Зато на мою Катэ смотрел, не отрываясь. Она красавица и сразу ему понравилась.

Рыбак Зуп захотел исследовать меч чужака и даже подержать его в руках, но Сим этому решительно воспротивился. Сам-то он уже успел потихоньку вытащить его из ножен и для пробы даже разрубил им кокос на две равные половины, хоть клинок и был для него тяжеловат.

Взрослые островитяне оказались любопытны, как дети. Чего же было ожидать от детей? На следующее утро Сим проснулся королем всего юного населения. По своей популярности он далеко превзошел даже самого Длинного Кира, который спрыгнул в море с высокой красной скалы и не убился.

— Ну что, как он? — спрашивали мальчишки, толпясь за хижиной.

— Ничего. Спал, теперь завтракает, — важно отвечал Сим. — Потом пойдет со мной ловить мурен.

На самом деле Конан собирался всего лишь искупаться. Подумав, он

решил оставить меч дома — случай, для него небывалый. Но песок под ногами был таким шелковистым, небо над головой — таким ослепительно-синим, что мысль об опасности просто не приходила в голову.

Он шел следом за подростком, а тот тараторил без умолку, размахивал руками и приплясывал на ходу. На плечах Сим держал острогу, наконечник которой заканчивался страшной на вид зазубриной, чтобы загарпуненная рыба не могла сорваться. Сзади, на почтительном расстоянии, крались друзья Сима — им хотелось увидеть, как чужеземец ловит мурен.

Мурены водились в крохотном заливчике, напоминавшим очертаниями пятнистого ската. С двух сторон берег был пологим, а с третьей — обрывался круто и был похож на отвесную стену. В стене этой, под водой, были дырки — норы разной величины. В одну с трудом помещался кулак ребенка, в другую запросто вошел бы человек, почти не пригибаясь. В норах и жили эти диковинные рыбы, проводя в них почти все время и выплывая только на охоту.

Сим и Конан вошли в воду и сначала поплескались, чтобы остыть после полуденного припека. Потом Конан совершил стремительный заплыв из залива в море и обратно. Течение было опасным и могло отнести в океан, но Конан без труда преодолел его напор. Могучее, рельефное тело рассекало воду с такой легкостью, словно Конан и в самом деле был тритоном.

— Смотри! — крикнул Сим. — Сейчас я поймаю мурену!

Паренек нырнул у отвесного берега, подплыл к норе шириной в полторы ладони и отважно засунул в нее руку. Пошарив внутри, он отплыл чуть в сторону и приготовил острогу для удара. Почти сразу за этим из дырки показалась оскаленная пасть. Мурена смотрела горящими злыми глазами и щелкала зубами — она решила, что другая рыба покушается на ее жилье. Сим нанес точный удар и пробил череп мурены. Легкое черное облачко крови поднялась кверху.

Вытащив рыбину на поверхность, подросток издал ликующий крик. Скоро мурена уже лежала на песке в тени пальмовых листьев.

— А? Здорово, правда? — спросил Сим. Конан понял, что он имеет в виду, и одобрительно кивнул. В мурене было больше трех локтей длины.

Мальчишки, следившие за охотой, стонали от разочарования. К ловкости Сима они уже привыкли, да и сами умели не хуже. От огромного чужака они ожидали большего, а он попросту вытянулся на солнышке и прикрыл глаза.

Сим тоже немного смутился. Однако он был хорошо воспитан и не имел привычки надоедать старшим, посему он оставил Конана в покое и

продолжил ловлю мурен.

Скоро была убита и вторая, чуть короче первой, зато более толстая, с массивным жировым бугром на лбу и с зелеными пятнами на боках. Такие считаются самыми вкусными.

От избытка чувств и сил юноша прошелся по песку на руках, кувыркнулся несколько раз, громко распевая, подхватил гарпун и снова прыгнул в воду. Когда среди мерного плеска воды раздался его испуганный крик, Конан подумал, что мальчишка совсем расшалился. Но крик повторился, и в нем явственно слышались страх и отчаяние.

Приподнявшись, Конан увидел, что Сим, выбиваясь из сил, старается побыстрее доплыть до берега, а за ним, всего в пяти саженях, вода идет подозрительной рябью. Под этой рябью угадывалось темное, крупное тело. Потом из зеленоватых волн показалась голова мурены… Но что это была за мурена!

Яростные выпученные глаза диаметром с тележное колесо, пасть, которая легко перекусила бы лошадь! О величине тела можно было только гадать. Во всяком случае, волнистая рябь тянулась за головой на расстояние в пятнадцать больших шагов.

Рыба скользнула на глубину. Конан решил, что сейчас она схватит юношу снизу, и варвар кинулся в волны, хотя доплыть все равно бы не успел. Однако мурена поступила по-другому: она отрезала Сима от берега. И снова ее голова поднялась над поверхностью. Сим вскрикнул, но остановиться не смог — волна несла его прямо в пасть хищной твари.

Вода едва доходила до груди Конана, но он поплыл, потому что это было быстрее. Неожиданно его руки натолкнулись на тело рыбины, осклизлое, мягкое, как у моллюска. Мурена обернулась.

Перед ней оказалась добыча покрупнее, и огромные глаза подернулись пленкой алчности. Рыба скрылась под водой, но по движению ряби на поверхности Конан догадался, что она окружила его кольцом своего тела.

Юноша взял левее и выскочил на берег, упав без сил. От ужаса он весь сделался белым и не мог справиться с дрожью.

Мальчишки с громкими криками подбежали к нему. Они ждали зрелища, но огромная тварь и на них нагнала страху.

Их голоса доносились до ушей Конана, словно с того света. Он сосредоточился на своих ощущениях, чтобы предугадать — откуда начнется атака. Мурена вилась вокруг него, постепенно сужая кольцо. Нужно помешать ей приготовиться к броску, решил Конан.

Он стоял, упираясь в песчаное дно ногами. Накатившая волна мягко толкнула его в грудь. Внезапно Конан нырнул и, проплыв под водой

несколько саженей, ударил мурену головой в бок. Рыба неуловимым глазу движением промелькнула перед ним — для таких чудовищных размеров ее скорость была просто неправдоподобна.

Конан спиной почувствовал опасность, развернулся, и его кулак, преодолев сопротивление воды, ударил рыбу по носу. Хищница мотнула головой над поверхностью. Она была озадачена, слегка оглушена и очень зла. Пользуясь свободной секундой, Конан отплыл в сторону и опять встал на дно. В спину его что-то кольнуло. Обернувшись, он увидел древко остроги, торчавшее из воды.

Для такой большой рыбы это оружие не слишком годилось, но другого все равно не было. Освободив наконечник, засевший в песке, Конан поднял острогу высоко над водой и приготовился. Мурена вновь атаковала.

В ее арсенале имелась еще одна уловка. Она решила обмануть не в меру строптивую добычу. Неожиданно изменив курс, она рыскнула зигзагом и кинулась с другой стороны. Конан в последнее мгновение успел разгадать эту хитрость. Инстинкт воина оказался надежнее инстинкта хищницы. Наконечник остроги вонзился прямо между горящих глаз.

Конан не ограничился этим. Навалившись, он вонзал острогу в голову мурены все глубже и глубже. Вода вокруг них вскипела и почернела от крови. Конвульсивным движением рыба почти завязалась узлом, огромный хвост ударил Конана по голове и тот, зарычав, выпустил острогу из рук.

Стоя торчком, древко стремительно поплыло к отвесному берегу, оставляя за собой черный, пенящийся след. Потом оно скрылось, но через некоторое время опять вынырнуло, как поплавок, и завалилось горизонтально. Мертвая мурена лежала на волнах, вытянувшись во всю длину, словно перед смертью хотела покрасоваться своей огромностью.

Конан вышел на берег.

— Что стоите! — рявкнул он, обращаясь к мальчишкам. — Тащите ее на берег!

Удивительно, но они поняли его и бросились исполнять, с молчаливой опаской и восхищением поглядывая на героя-великана.

Сим остался на песке. Он все еще дрожал.

— Видел, как я ее? Правда, здоровая? — ухмыльнулся варвар и потрепал его по мокрым волосам.

* * *

Вечером этого дня в деревне был праздник. Старейшина сказал, что

более достойного повода, чем спасение юноши, и не отыскать. Многие были с ним согласны, потому что праздник — это здорово. Восемь рослых рыбаков с трудом перенесли мурену на западный пляж, старейшина сам разделал ее, а многочисленные жены старейшины принялись заворачивать белое мягкое мясо в листья съедобного растения чепчо. Разожгли огромный костер, а вокруг — шесть поменьше. На пляж приволокли также уйму каких-то предметов, напоминающих деревянные горшки. Конан, увидев их, решил, что это емкости для хранения пальмового вина, но он ошибся. Предметы оказались барабанами. Впрочем, и в вине недостатка не было.

Старейшина оказался единственным островитянином, кто не пришел поглазеть на спящего Конана, — это было ниже его достоинства. Но любопытство терзало его, и он с нетерпением ждал, когда увидит богоподобного чужеземца.

Совет деревни уже решил, что коль скоро Катэ обнаружила его на берегу, то и она должна считаться виновницей торжества. В том, что Конан скоро станет зятем старой Марги, никто не сомневался, и многие семьи ей завидовали. Кто-то даже сказал, что необходимо бросить жребий: у многих, дескать, есть дочери на выданье.

Старейшина — его звали Гип — не поддержал этой идеи. Он был мудрый человек.

— Какая разница, в чьей хижине будет жить пришелец? Без сомнения, он примет участие в общинной добыче рыбы, а значит — вся деревня выиграет. Великое море решило подарить этого мужчину Катэ — пусть так и будет. Если кто-то хочет внука от Конана, то ему следует договориться с Катэ, чтобы не было недоразумений.

Когда ярко-синие сумерки опустились на остров, в небе зажглись большие звезды и лунная дорожка добежала до песчаного пляжа, во двор Марги, где отдыхал Конан, пришли четыре девушки. Они принесли с собой гирлянды пахучих цветов, ароматное масло и пару новеньких ца-понгов — набедренных повязок из разноцветной набивной ткани. Марга и дядя Эг торжественно покинули хижину. Сим попытался подсмотреть и был уведен за ухо.

Постелив на земле свежие пальмовые листья, девушки ловко раздели варвара и Катэ и уложили обоих рядышком прямо на это зеленое, упругое покрывало.

Началась подготовка к празднеству.

Девушки принялись умащать маслом тела лежавших, и от прикосновения их рук Конан едва не потерял сознание. Его мускулы расслаблялись и одновременно наполнялись здоровой, спокойной силой.

Катэ, повернув к нему голову, нащупала пальцами его пальцы и блаженно улыбнулась.

— Смешная… — простонал варвар, объятый негой. — Глупая…

— Моя, — подсказала Катэ.

— Моя! — послушно повторил Конан.

Катэ, желавшая услышать это слово, произнесенное его голосом, не выдержала — вскрикнула и затрепетала.

— Полегче, красавица! — шутя, прикрикнула одна из девушек и не больно шлепнула ее пониже спины. — Успеешь еще!

Потом обоих нарядили в ца-понги и украсили гирляндами, после чего, напевая песню о великой победе человека-тритона, уже сочиненную дядей Эгом (чем он впоследствии очень гордился), проводили их на пляж. Две девушки шли впереди, две замыкали шествие.

Большой костер догорел, и только угли рдели. Их цвет был созвучен цвету закатного неба над морем. А море переливалось зеленоватым мерцанием — мириады крошечных его обитателей поднялись, чтобы посмотреть на праздник.

Конана с большим почетом усадили на гладкий камень, обтесанный с боков в виде неправильного четырехугольника. Сверху на камне лежала циновка, украшенная вплетенными в нее лентами. Катэ указали место у его подножия, а в песок перед ней вкопали большие белые цветы — знак признательности всей общины. Марга, увидев эти цветы, немного всплакнула. Когда-то ей оказали те же почести в память о Варе, ее муже, — он погиб, защищая дочь вождя от исполинской длинношеей черепахи. Катэ тогда еще не исполнилось и пяти чаячих свадеб. И вот она сидит у ног сильного, красивого мужчины, совсем как взрослая. Мужчина этот спас Сима — он великий рыбак, совсем как Вар.

За спиной Конана на песчаном холме щерилась отрубленная голова мурены. Острога по-прежнему торчала у нее изо лба. Голова источала сильный запах моря и смотрела с ненавистью в мускулистую спину варвара. Он чувствовал этот взгляд и ухмылялся.

Сам Конан не придавал большого значения своей победе. Подумаешь, мурена! Совсем недавно он намеревался сражаться с гораздо более сильным чудовищем. Но глядя в открытые, улыбчивые лица островитян, которые собирались чествовать его, он понимал, что, отказавшись от славы, оскорбил бы этих людей.

Старейшина Гип открыл праздник. Он подошел к сидящим, остановился, придал своему лицу серьезное выражение, и тотчас юноша, его сопровождавший, затрубил в большую витую раковину. Глубокий

протяжный звук разнесся над побережьем и растревожил сонного дюгона, дремавшего на волне. Подождав, пока голос раковины умолкнет, старейшина огладил бороду и произнес речь.

— Когда-то наши славные предки вышли из вод, как и ты, чужеземец. Их тела давно стали морем, но голоса их по-прежнему слышны в шуме прибоя, и добрые духи, которых они принесли с собой, охраняют наш остров и всех его жителей. Это они, великие духи океана, послали нам тебя. С этого дня ты — наш брат, наш товарищ. А злые духи послали свое отродье — коварную рыбу, чтобы она поедала наших детей, лишала нас надежды на будущее. Твоими могучими руками добрые духи одолели злых, ибо так суждено из начала к концу времен. Посмотри — все вокруг создано для счастья. Будь же счастлив. Пусть рыба всегда идет в твою сеть!

Конан не понял ни единого слова, но догадался, что перед ним — глава островитян. Он величаво поклонился в ответ.

— Ты не уразуметь, то я потом перевести, — добавил старейшина на британском. — А сейчас ты видать танец «Удачная ловля». Очень хорошо!

Варвар собрался уже раскрыть рот, чтобы выразить свою благодарность по-британски, но барабаны, разбуженные крепкими ладонями музыкантов, заворчали, загудели, заговорили на разные голоса. Местом для танцев была круглая площадка, ярко освещенная двумя кострами и выложенная по кругу малиново-белыми раковинами. Песок на площадке заранее вычистили пальмовыми граблями и разровняли. До начала танцев только старейшина мог пройти по ней и то не больше одного раза.

Одиннадцать танцовщиц, друг за дружкой, выбежали и остановились, слегка покачивая бедрами и шевеля пальцами рук, прижатых к бокам. Конан понял, что они подражают стайке рыб. Задержавшись на одном месте несколько тактов, девушки-рыбки принялись кружиться по площадке цепочкой, одновременно поворачиваясь, перестраиваясь на ходу и внезапно меняя направление. Скоро появились и ловцы, молодые рыбаки. Их неводы были сплетены из цветочных гирлянд.

Яркие ца-понги, смуглые тела, цветы и алые искры костра — все это мелькало непрерывно. Барабаны ускоряли ритмы и море, казалось, подрагивало, точно приплясывало вместе с людьми. В глубине пальмовых зарослей цикады пели так громко, что любой впередсмотрящий далеко в океане мог бы найти остров на слух даже в темноте и вывести к нему свой корабль.

Каждая пойманная «рыбка» приветствовалась веселыми выкриками, и скоро осталась одна-единственная. Рыболовы пытались окружить ее, но

она всякий раз ускользала, пока наконец — Конан ясно заметил это — нарочно не поддалась одному из юношей. Тот набросил на нее цветочную сеть и увлек с площадки. Вдвоем они почти сразу куда-то исчезли.

Бесхитростная простота танца и естественная грация танцующих очень тронули варвара — он с неподдельным восхищением следил за «Удачной ловлей». Однако теперь его душа требовала воинственной пляски. Он встал со своего трона и, поигрывая мышцами, как голодный лев, вышел на середину площадки, точно на границе двух световых пятен от костров. Все вокруг затихли, не понимая, чего хочет этот таинственный пришелец. Воздев руки к звездному небу, Конан испустил протяжный боевой клич, в котором высокие переливчатые звуки постепенно перешли в низкий тяжкий бас, похожий по силе на громовой раскат. Когда он стих в отдалении, варвар притопнул ногой, потом еще раз, потом — третий, и музыканты, будто зачарованные, стали отбивать ритм вместе с ним. Каждый мускул варвара, каждя пядь его тела отдалась пляске воина. Он гордо попирал землю и вместе с тем как бы рос из нее, питаясь ее силой при помощи невидимых корней. А в прыжке тяжелая мощь превращалась в невесомую легкость, и казалось, этот великан может при желании снять с неба звезду.

— Воистину, у моря — щедрая душа, — сказал шепотом дядя Эг рыбаку Брозу. — Иначе оно не рассталось бы с этаким дивом!

— Великие рыбаки съедают в три раза больше обыкновенных, — заметил Броз. — Но у моря — воистину щедрая душа! С таким парнем я не побоюсь пойти и на кита.

Все женщины, даже старые, глядели на Конана с изумленным восхищением, а некоторые даже подмигивали ему с известным значением. Но Катэ еще и гордилась им, как дети гордятся своей тайной. Устав от пляски, варвар вернулся на почетное место, и девушка, откинув голову, прижалась к его коленям.

— Моя! — сказал Конан и погладил ее горячее плечо. Она отвернулась и, улыбаясь, коснулась пальцем мочки своего правого уха в знак согласия.

Несколько оглушенные, жители деревни затянули долгую хвалебную песню, и пока она звучала, по очереди подносили победителю мурены свои дары. Их принимала Марга и передавала дяде Эгу, а тот складывал добро живописной грудой. Когда утром семья Катэ произвела подробный осмотр этой груды, в ней оказались: тридцать четыре блюда из раковин двустворчатого моллюска, сорок ложек для рыбачьей похлебки, выточенные из оникса и две металлические ложки поменьше; девятнадцать крупных жемчужин и семь ниток бус из мелких, белого и черного

вперемешку; три золотые монеты с дырками для ношения на теле; пять катушек ниток; две штуки полотка по сорок локтей; штука яркого ситца в двадцать один локоть; шесть шелковых платков; матросская шапочка, расшитая бисером; пара чулок — один желтый, другой темно-зеленый; очень большой гамак (сделанный из сети для крупной рыбы); кувшин масла для светилен; одиннадцать лент красного цвета и восемь — белого; деревянный резной подлокотник от кресла и лиловая бархатная подушечка; шкатулка, сделанная из сушеного краба; фляга из кокоса с плетеной лямкой для ношения через плечо; пила, молоток и семьдесят один кровельный гвоздь; четверть точильного круга; мешок сорго весом в половину морского лова; кованый наконечник для остроги; круглая рама для портрета; костяной веер.

* * *

Дядя Эг сказал, что он в жизни не видел таких роскошных подарков. Сам он подарил Конану стул без ножки, но нести его на пляж не имело смысла, раз пришелец все равно живет в их хижине.

После вручения даров жены старейшины стали разносить мясо мурены, запеченное в листьях и сдобренное большим количеством различных специй. Это было вкусно — Конан любил острые и пряные блюда. Они помогали ему ярче чувствовать полноту жизни.

Потом опять зазвучала музыка — к барабанам присоединились духовые инструменты из кокосов и раковин и несколько «печчуле» — арф, сделанных из черепаховых панцирей и ребер дюгоня. Струны были из тюленьих жил.

Снова начались танцы, на сей раз — просто, без особого значения. Юноши и девушки образовали хоровод, в центр которого время он времени выскакивала какая-нибудь пара и отплясывала там несколько тактов подряд.

Катэ незаметно для Конана вдруг оказалась посреди танцующих и поманила его за собой. Не раздумывая, варвар бросился к ней.

Перед тем, как пропустить его внутрь круга, юноши со смехом вручили ему цветочную сеть, от которой Катэ, гибкая и быстрая, стремительно уклонялась.

Неожиданно круг хоровода разорвался перед ней, танцующие расступились, и Катэ побежала прочь, уносясь по пляжу все дальше и дальше в сторону красных скал. Конан немного растерялся, но старейшина

Гип толкнул его в плечо и рявкнул:

— Настигать!

Тогда варвар помчался следом. Бежал он долго и быстро — звуки музыки стали еле слышны. Сначала он различал смуглую фигурку, мелькавшую на самой полосе прибоя, а потом она пропала. Не останавливаясь, Конан искал ее взглядом, но до самых дюн никого не было видно. Взбежав по осыпающемуся песку на один из холмов, варвар не удержался и поехал вниз.

Катэ, лежавшая за дюной на спине, обхватила его ноги своими, и Конан растянулся, зарычав от неожиданности. Обвив талию мужчины коленями, островитянка уселась на него, и только теперь Конан заметил, что потерял свой ца-понг на бегу.

Лицо Катэ склонилось над его лицом, и она потерлась своим носом о его нос. От нее пахло морем, цветами и еще чем-то таким, из-за чего желание Конана уже невозможно было скрыть. Ощутив кожей прикосновение ее груди, варвар опять зарычал, как рычит объятый страстью морской лев. Катэ откинулась назад, слегка приподнялась и, задрожав всем телом, прильнула к нему, тихо вскрикнув. Конан услышал, как бьется ее сердце. Звезды над ними еле заметно подмаргивали в густом темном небе — казалось, это они пели голосами цикад.

* * *

Через две недели Конан уже довольно свободно говорил на языке островитян, который, по его мнению, был перенасыщен всякими поэтическими преувеличениями. Но язык этих людей и не мог быть другим — он уподоблялся окружающему их миру. Некоторые слова были яркими и многоцветными, как рыбы в коралловых зарослях или птицы в лесу на склонах Озерной горы. А некоторые — однозначные, но все равно яркие и глубокие, такие, как небо или море.

Несмотря на спокойную, легкую жизнь, варвар не испытывал скуки. Он вообще не умел скучать, а здесь это было бы просто преступно. Впервые Конан ощутил себя ребенком и удивлялся окружающему. Рассудком, может быть не слишком изощренным, но крепким, он понимал, что не останется здесь навсегда. Рано или поздно в бухту Кальмара войдет британская каравелла, и варвар ощутит столь сильное желание продолжить свое бесконечное странствие, что будет готов наняться на корабль простым гребцом. Ну а пока он будет рыбачить, купаться до одури, валяться на

песке, наслаждаться ласками Катэ и слушать россказни дяди Эга.

В один прекрасный день, развлечения ради, Конан решил подняться на Озерную гору. Катэ взялась проводить его, а заодно собрать сладких плодов. Она шла впереди, напевая и улыбаясь своим мыслям, которые были легки и просты. Каждое дерево, каждый куст в лесу походил на одушевленное, добродушное существо. Совсем не было колючек, стволы не щетинились шипами, ни один цветок не пах гнилью, как это бывает в джунглях. Кроме того, Конан ни разу не убил на себе кровососущее насекомое. В воздухе летали бабочки и двухвостые рубиновые стрекозы.

Вершина горы представляла собой кратер потухшего вулкана, заполненный дождевой водой. Островитяне никогда не купались там — они привыкли к плотной морской воде, а пресную использовали только для питья и умывания. Вода стекала вниз двумя ручьями, питая людей и растения.

— Здесь глубоко? — спросил Конан.

Катэ сидела на берегу и весело болтала ногами в воде.

— Очень, — отвечала она. — Нету дна.

— Так не бывает, — улыбнулся варвар. — Дно есть у любого озера.

— Бывает! — с милым упрямством возразила Катэ.

— А кто-нибудь пытался проверить? — не унимался Конан.

— Зачем?

— Из любопытства.

Подруга варвара повела плечом.

— Рыба тут невкусная и ее очень мало, — сказала она. — Жемчуга нет. Красивых кораллов нет. Просто вода, упавшая с неба.

— Вот видишь, разве это не диво, что с неба падает вода? Есть такие земли, далеко на материке, где вообще нет никакой воды, ни пресной, ни соленой. И с неба она не падает. Один песок кругом, но не такой, как здесь, а другой — колючий, горячий, черноватый. Злой.

— Ты там бывал?

— Бывал, — самодовольно ответил Конан. — А теперь хочу посмотреть, есть ли дно у этого озера. Жди меня тут.

Она не успела возразить, как варвар прыгнул с берега и сразу нырнул. Некоторое время она видела его расплывчатый силуэт в прозрачной красноватой воде, но ветер наморщил зеркальную поверхность озера, и рассмотреть ничего уже было нельзя.

Дна он действительно не смог найти. На глубине трех саженей вода как-то сразу сделалась холодной. В такой тяжело двигаться и опасно долго находиться. Еще на две сажени глубже у Конана заломило в висках и в

ушах застучало. После пестрого, красочного подводного мира побережья здесь было довольно уныло. Расслабив тело, варвар стал медленно подниматься на поверхность, как вдруг нечто привлекло его внимание. В стене кратера были вырублены ступени, уходящие глубоко вниз, куда уже не проникал солнечный свет. Они были ровными и гладко поросли красноватой ковровой водорослью.

С наслаждением почувствовав верхний, теплый слой воды, Конан выплыл, отдышался и в два гребка достиг берега.

— Ты права, женщина, — сказал он. — Действительно, нету дна. Зато есть ступени. Дядя Эг знает про них?

— Вернемся — спросим, — ответила Катэ. Дядя Эг сказал, что знает об этих ступенях все. Их построил человек-жаба, живший на дне озера.

— Там ведь нет дна! — хитро прищурился варвар.

Старик надулся.

— Если кто-то очень умен и имеет свое суждение на любой счет, зачем ему беспокоить дряхлого, глупого дядю Эга, выжившего из ума на старости лет?

Он продолжил рассказ только после того, как Конан в знак извинения выпил с ним два кокоса вина.

Человек-жаба жил на дне озера и по ночам выходил на берег, чтобы петь. Он надеялся приманить себе подругу, но подруги ему не нашлось. Много лет он терпел, а такие вещи не проходят для мужчины даром, и у него помутилось в голове. Однажды он спустился в лес и затаился среди папоротников. А в ту пору одна рыбачка собирала там хворост. Человек-жаба напал на нее, но забыл, что делать с женщинами, и поэтому попросту съел эту рыбачку. Через несколько дней съел другую.

Женщины перестали ходить в лес, а мужчины очень рассердились, потому что без хвороста нельзя было приготовить рыбачью похлебку. Они решили проучить человека-жабу, но тот оказался ловок и хорошо прятался. Тогда прадед нынешнего старейшины придумал вот что. Он взял с собой в лес свою жену, привязал ее к дереву, а сам схоронился в кустах с острогой наготове. Пришел человек-жаба и очень обрадовался. Он сплясал перед привязанной мерзкий танец и уже изготовился ее сожрать, когда мужчина выскочил и поразил его насмерть. После чего он отвязал женщину и сказал ей:

— Неужели ты думала, что я отдам свою жену на съедение пупырчатому уроду?

А та ругалась, била мужа палкой и говорила:

— Тебе совсем меня не жаль. Взял бы для этой цели жену соседа!

Но прадед старейшины хорошо ответил:

— Человек-жаба был очень страшный. Если бы он хотел съесть жену соседа, я бы, пожалуй, убежал. А тебя я люблю, и это сильнее страха.

После таких слов женщина стала чтить мужа очень и уже никогда не била его палкой.

Конан с удовольствием выслушал эту басню, хоть и не очень ей поверил.

* * *

«Время ветра-с-берега» подходило к середине. Жизнь на острове текла своим чередом. Варвар трижды принял участие в «общинной ловле», хоть и не очень отличился. Островитяне действовали слаженно, понимали друг друга почти без слов, а Конан с непривычки больше мешал, чем помогал. Но на него никто не сердился: в таком деле нужна сноровка, а она приобретается не сразу.

Зато в охоте с острогой и в ловле крупной рыбы на приманку ему не было равных, а еще он здорово орудовал веслом.

Сим не отставал от него ни на шаг и старался подражать варвару в походке, жестах и манере речи. Кроме того, он наотрез отказался подстригать волосы, и скоро шевелюра паренька стала почти такой же косматой и спутанной, как у его кумира.

Однажды они ныряли за морскими губками и, набрав полную корзину, устроились обсушиться на песке.

— Смотри! — вдруг воскликнул Сим. — Парус! Идет большой корабль.

И действительно, над самым горизонтом виднелись паруса; Разобрать, что за корабль, было еще невозможно, как Конан ни всматривался. От солнечных бликов на воде его глаза даже заслезились.

— Ну вот, ты от нас уплывешь, — расстроился Сим.

Варвар не ответил ему.

На следующий день судно приблизилось. Прямым курсом подойти к берегу оно не могло и шло широкими галсами, а после полудня паруса вообще убрали, и каравелла встала на весла. Конан понаблюдал за кораблем с вершины красной скалы и спустился мрачный. Он пошел к старейшине Типу и сказал ему:

— Я знаю эту каравеллу. «Морская чума» — ее имя, а то, что на ней, пострашнее всякой чумы.

— Что же это? — удивился старейшина.

— Люди. Океанские шакалы. Я знаю пиратов

— среди них есть хорошие ребята. Если бы сюда пришел Бесноватый Лоу, Шарль Укуси-Локоть или, к примеру, Большой Пузан — все бы обошлось мирно. Гости выпили бы с вами вина, поплясали бы у костров, нашли бы девочек, которые не прочь поразвлечься, и, отдохнув пару дней, отбыли бы по своим делам. Но только не эта команда! Ею верховодит Торвальд — Злой Нож, мясник, тупой и жестокий. Он промышляет работорговлей. Набивает трюмы пленниками, а тех, кто не влез, — убивает.

— Велика ли его команда? — спросил Гип.

— Обычно — нет. Он набирает себе только тех подонков, от которых отказываются другие пираты. Человек двадцать-тридцать, я думаю.

Старейшина задумчиво почесал живот.

— У нас больше сотни рыбаков, способных драться, — сказал он. — Но почти все сейчас далеко в море и вернутся через три дня, не раньше. Если бы их поторопить…

— Позови Сима, — посоветовал Конан. — Вели ему сесть в легкую лодку. Я знаю, он никогда не ходил дальше Белого мыса в одиночку, но он справится. А мы пока займемся другим.

* * *

— Что ж, — сказала Марга, когда Сим пришел к ней за благословением. — Пора тебе становиться взрослым. Я знаю, что ты уже кувыркался на пляже с Рыжей Лалэ, но не это делает мужчину мужчиной.

Сим зарделся, потерся носом о материнское плечо, взял весло для быстрой гребли и ушел. Он был необыкновенно горд, когда узнал, что Конан выбрал именно его для исполнения этого поручения.

Женщины и старики наспех собирали свои пожитки.

— Бросьте все, кроме самого нужного! — говорил им старейшина, но от растерянности островитяне никак не могли решить, что же им на самом деле необходимо.

Они покинули деревню, когда первые шлюпки уже вонзались носами в береговой песок. Старейшина Гип повел людей на другую оконечность острова, за Озерную гору. Там был густой лес и можно было спрятаться. Конан остался возле поселения — из-за дюн он следил за пиратами, которые скоро оказались очень близко, так что он слышал их голоса.

— Куда подевались все черномазые? — удивлялся вслух пожилой

зингарец с похотливыми липкими глазками. Такие на кораблях пристают к молодым матросам, дерутся подло и очень слабы по части вина.

— Наверное, передохли, — сказал толстый, в дорогом колете и рваных, грязных штанах.

— Да нет, зола еще тёплая… Они узнали!

К ним подошли еще человек пять. Среди них был и Торвальд.

— Что встали, акулье дерьмо! — прикрикнул он. — Обыщите каждую хижину. Если кого найдете — развяжите ему язык.

Конан, давно не бравший в руки своего меча, теперь поглаживал его рукоять. Казалось, клинок сам просится из ножен.

— Погоди, — шепнул ему варвар, — время скоро придет!

В его голове созрел отчаянный план. Нужно перебить по одиночке всех пиратов, и тогда корабль останется в его распоряжении. Разве это не славно?

Он нашел брошенным на песке рог из витой раковины, поднял его и усмехнулся. Замечательная штука, она ему пригодится. А пока нужно внимательно наблюдать за незваными гостями. Всего их высадилось восемнадцать. На «Морской чуме», стало быть, осталось двое или трое, и те скоро не выдержат — самовольно бросят вахту, чтобы принять участие в грабеже. Торвальд, несмотря на свою лютость, никогда не мог наладить дисциплину на корабле.

Похотливый зингарец и толстяк зашли в хижину семьи Броза, которая стояла на самом краю деревни. Пора начинать, решил Конан. Подкравшись незаметно, он встал у входа. Разбойники, уныло ругаясь, крушили посуду.

— Одни только тряпки, — презрительно сопел толстый.

— Это же черномазые! — вторил ему пират-зингарец, хотя был гораздо смуглее любого островитянина.

На глаза Конану попалась острога. Варвар схватил ее и оскалил зубы.

Когда пираты, один позади другого, выходили из оскверненного жилища, Конан пронзил гарпуном обоих.

— Ты не черномазый! — прохрипел зингарец, который шел первым и схватился обеими руками за окровавленное древко. Но у толстяка уже подкашивались ноги, и оба упали.

Тонкая крепкая леса с каменным грузилом тоже послужила Конану оружием. Пират, беспечно пивший пальмовое вино из запасов дяди Эга, стал очередной жертвой. Раскрутив грузило над головой, варвар захлестнул его шею лесой и сильно рванул на себя, так что разбойнику перерезало горло.

Четвертый проглотил вместе с вином маленький, чудовищно острый

крючок-тройник, заботливо брошенный во флягу Конаном. Совсем скоро он катался по земле и исходил кровавой пеной.

Пятому крупный кокос упал на голову, да так удачно, что размозжил череп.

Шестой пират, не найдя в хижине семьи Икэ ничего, на его взгляд, стоящего, достал огниво, трутницу, поджег ца-понг, смоченный горючим маслом, и бросил его на тростниковую стену. Когда он собрался выйти из обреченного дома, выяснилось, что дверь заперта снаружи. Хлипкое на вид сооружение оказалось прочным, и сломать двери не удалось. Когда другие пираты, услышав крики, прибежали на помощь и убрали китовое ребро, подпирающее дверь, было уже поздно.

Торвальд пришел в бешенство.

— Они где-то рядом, — сказал он. — Ищите!

Эти хитрые бестии поблизости. По одиночке не ходить.

Тут ему донесли, что погибло уже шестеро, и он передумал.

— Лучше встанем лагерем и укрепим позиции. Они захотят нас прогнать и рано или поздно нападут. Но у них нет ни луков, ни арбалетов. Из укрытия мы перестреляем их, точно глупых бакланов.

— Посмотрим, как ты запоешь, когда у тебя из-под носа уйдет корабль, — хмыкнул варвар.

«Морская чума» встала на рейд в бухте Кальмара. Конан добрался до нее вплавь. Перелезть через борт не составило бы труда, но варвар с этим не спешил. Разлегшись на волнах, он вытряхнул из раковины воду, продул ее и отчаянно затрубил.

Над водой звуки разносятся особым образом. Протяжный рев, который издала раковина, отразившись от поверхности моря, перепугал вахтенных. Они забегали по палубе, гремя оружием и вглядываясь в волны вокруг судна. Конана им заметить не удалось, потому что он находился под самой кормой. Однако один клялся другому, что видел в воде чудовище с гривой, как у дракона. Пучок колыхающихся водорослей ввел его в заблуждение.

— Может, отправимся на берег, предупредим капитана? — предложил другой сиплым голосом.

— Ага! Спускай ялик и плыви. Только без меня. И не зови на помощь, когда эта тварь вонзит в тебя свои зубы, — отвечал ему товарищ.

— Что-то мне неохота! — сказал сиплый.

Конан ухмыльнулся и снова поднес раковину к губам. Звук вышел еще громче. Варвар так увлекся, что не заметил, как волна отнесла его от кормы. Он поднял глаза и вдруг увидел белую, как мел, физиономию пирата, с выпученными глазами и открытым ртом.

— Разрази меня гром! Вот оно! Вот оно! — заорал пират, когда ему удалось набрать воздуха в грудь.

Второй высунулся рядом и тоже побледнел.

— Как есть дракон! — воскликнул он. — Может, стрельнем в него?

— Я тебе стрельну, дурья башка! Руби якорный канат, живо!

К такому повороту событий Конан был не готов. Страх двигал пиратами и придавал им скорость. Канат был перерублен, парус поднят в считанные мгновения, в то время как течение мешало Конану быстро подобраться к кораблю.

Увидев длинные космы варвара, извивающиеся в волнах, они и впрямь решили, что перед ними дракон.

Ветер с берега погнал каравеллу прочь от острова. Ругаясь, варвар кинулся в погоню, но меч, который он взял с собой на случай абордажного боя, здорово мешал плыть. Помянув трусливых пиратов последними словами, Конан повернул к берегу.

— Мальчишка! — бранил он себя. — Зачем было устраивать этот розыгрыш? Сам все испортил!

Он утешился только когда услышал, как воет от бессильной злобы Торвальд Злой Нож, бегая по берегу.

* * *

Когда группа мерзавцев попадает в переделку, внутри нее сразу начинается поиск виноватого. Почему так — Конан не знал. Это занятие не имеет практического смысла и чревато последствиями.

Устав от ругани, пираты высосали все пальмовое вино, какое нашли. У дяди Эга был припрятан кувшинчик-другой на черный день, но они об этом не знали.

Торвальд, пьянее остальных, уснул в хижине старейшины. Его команда собралась кружочком и принялась обсуждать происшедшее.

Конан лежал за кустарником и из-за него не видел говоривших, зато прекрасно их слышал.

— Ясное дело, надо отплывать на шлюпках.

— До материка слишком далеко. Нам не хватит еды.

— А вода? Здесь вообще есть пресная вода?

— Вряд ли черномазые пьют соленую!

— Торвальд здорово оплошал.

— Что ты сказал о Торвальде?

— Заткнись, подхалим. Сказал то, что все и так думают.

— Верно! Это он нас так подвел!

— Зачем ему это? Что он, специально, что ли?

— А ты его защищаешь, да? Ты с ним в сговоре! Злой Нож решил обновить команду. Денежками делиться неохота, вот он и завез нас на съедение черномазым!

— Ты глуп, как безголовая макрель! Он же тут, с нами. Если бы он остался на корабле, тогда, конечно, — да.

— Он как-нибудь выкрутится, а мы сдохнем.

— Точно!

— А ты, подпевала, сейчас за все ответишь. А ну, вынимай нож!

Конан не утерпел и отполз вправо, чтобы видеть поединок. Но увиденное его разочаровало. Два жилистых скуластых человека, похожие друг на друга, словно родные братья, кружили и взмахивали ножами, целясь по глазам. Длилось это долго, противники сопели и сплевывали сквозь зубы. Наконец один ударил другого ногой в пах и, воспользовавшись его замешательством, пырнул ножом в живот. Раненый завизжал, как свинья на бойне, и рухнул на колени. Победитель схватил его за волосы и собирался уже перерезать ему глотку, но взвизгнул сам и упал — нож торчал у него в боку.

Оба стали перекатываться по песку, и когда затихли навеки, один из зрителей философски заметил:

— Теперь все равно, кто из них был прав.

* * *

Утром Торвальд собственноручно убил еще одного.

— Ты отвечаешь за провиант! — напустился он на своего помощника, выходца из Стигии, рябого и татуированного с головы до ног. — Где вода, скотина?

— Это на корабле я занимался провиантом, — дерзко ухмыльнулся стигиец ему в лицо. — А корабль — тю-тю!

Ни слова не говоря, Злой Нож поднял весло и ударил помощника в грудь. Тот упал, закашлялся и, выплюнув красный комок, умер.

— Если через час я не напьюсь пресной воды, подохнете все, — объявил Торвальд.

Пираты удержались от бунта. Они мучались от жажды с перепою ничуть не меньше капитана. Посему двое, собрав пустые фляги, ушли в

сторону леса.

Они не вернулись — ни через час, ни через два. Получилось так, что выйдя к ручью, пираты увидели Катэ, которая умывалась, погруженная в свои легкие простые мысли.

Дядя Эг пролил в лесу неподалеку, пытаясь вспомнить, в каком именно дупле у него хранится кокос с вином. Он услыхал крики племянницы и успел вовремя — пираты только-только повалили ее на землю и пытались развести ей колени.

Острый кинжал, найденный в сундуке, сослужил хорошую службу.

— Провоняют теперь на весь лес, — ворчал он, осматривая трупы. У одного на ремне была красивая пряжка, но дядя Эг почему-то не захотел ее взять.

— Я боюсь за Конана, — сказала Катэ.

— Если я, старик, уложил двоих, то твой мужчина один перебьет их всех шутя, — уверенно произнес дядя Эг и добавил вполголоса: — Но где же это дупло, будь оно неладно?

* * *

Пляж весь был завален трупами. Четверо, оставшихся в живых, наседали на Торвальда. Из ран капитана кровь текла густая, синюшного оттенка. Он хохотал.

Его любимым оружием был топор, и Торвальд умел обращаться с ним. Матросы боялись подойти к нему близко и тыкали в него гарпунами с разных сторон, травили, как зверя. Один не удержался и метнул острогу, но Торвальд поймал ее в воздухе, развернул и послал обратно, пронзив взбунтовавшегося пирата насквозь.

— Креветки! — рычал он. — Отрыжка кашалота! Все сдохнете!

Конан даже не прятался, а преспокойно сидел на дюне и наблюдал.

— Все-таки я разленился здесь, — неспешно думал он. — Смотрю, как другие делают мою работу.

Лес ожил, заговорил голосами раковин, но дерущиеся не обратили внимания на это. В их исступленной злобе обнаружилось что-то странное, нечеловеческое. Они остановились только тогда, когда вышедшие из леса рыбаки окружили их с трех сторон — с четвертой пенилось море.

Сим добрался до соплеменников, и рыбаки сразу оставили промысел. Они высадились с другой стороны острова, чтобы появиться перед пиратами неожиданно. Сим стоял в их числе и сжимал острогу так, что у

него побелели пальцы.

Сражавшиеся обернулись к ним и замерли. Они смотрели на острия гарпунов, на лезвия ножей и силились понять, что, собственно, произошло — куда подевалась команда, где корабль, откуда взялись черномазые с копьями?

С хриплым ревом Торвальд, стоявший сзади своих противников, взмахнул топором дважды, и два пирата обагрили прибой своей кровью. Последний матрос успел вонзить свой гарпун прямо в раскрытый, изрыгающий брань рот капитана. Но топор, запущенный Торвальдом, все равно разрубил ему голову.

— Как все это странно, — заметил Конану старейшина. — Они могли угнать нас в рабство, но почему-то сошли с ума. Что так на них повлияло?

Варвар пожал плечами.

Вдруг Сим удивленно закричал, показывая пальцем на тело одного из разбойников. Рыбаки обступили труп, размахивая руками и возбужденно переговариваясь.

Было из-за чего удивиться. Из глаз, ушей и ртов погибших пиратов, омерзительно извиваясь, поползли плоские черные черви. Они стремились к воде. Их были тысячи, и береговая полоса сделалась черной от обилия корчащихся студенистых тел.

Морская вода убивала их сразу. Они мгновенно белели и скоро образовали грязную накипь, облепившую берег. Но морские птицы, которым они понравились на вкус, склевали их подчистую.

* * *

Капитан Нэш, британец и хороший человек, глянул на светящиеся морские волны и произнес:

— Не знаю, как это объяснить. В море обитают разные твари. Возможно, команда «Морской чумы» заразилась ими где-нибудь в неизученных водах. А может…

— Продолжай! — потребовал Конан. Они стояли на берегу. На рейде покачивалась британская каравелла.

— Всякий раз попадая сюда, я хочу оставить королевскую службу, — сказал Нэш. — Во мне просыпается поэт, мечтатель… Может, этот остров — волшебный? Он способствует выявлению скрытого в человеке одним своим воздухом или составом воды.

— Мудрено, — покачал головой варвар. — Выходит, эти черные,

гнусные сволочата…

— …и были тем, что пираты носили в себе. В своих мыслях, в своей душе, — заключил бритунец и вежливо улыбнулся.

— Все может быть, — сказал Конан и задумался. Катэ подошла к нему и села у его ног.

— Смешная, — тихо промолвил он и погладил ее по волосам. Капитан Нэш бесшумно удалился.

— Смешная, — повторил Конан. Катэ повернулась к нему, улыбаясь сквозь слезы.

А через день Конан отплыл в Бритунию.

Дуглас Брайан

Ледяное безмолвие

В этих краях полгода ночь и еще полгода — сероватые сумерки. В сумерках живут существа, человеку чужие, бледные, молчаливые. Большого вреда от них нет, но люди всегда чувствуют их присутствие. От этого людям не по себе — и только.

Другое дело — твари, оживающие ночью. Откуда берутся они, куда деваются, когда бесконечная ночь все-таки проходит? Наверняка этого никто не ведал. Ночные создания очень опасны, их манит живое тепло человеческое крови, потому что они никогда не могут согреться.

Кроме существ сумеречных и ночных обитают здесь шерстистые носороги, исполинские медведи, мастодоны и морские-люди-без-ушей, среди которых встречаются и хищные.

На другом, далеком берегу студеного моря, чьи волны дымного цвета, вообще никогда не сходит снег. А на этом, под топким слоем земли, всегда лед. Унылое занятие — рыть здесь могилу. Прежде нужно три дня кряду жечь большой костер, а после разгрести землю и долбить подтаявшую корку.

Конан часто думал: почему бы попросту не сжечь покойника, раз уж костер все равно горит, пожирая драгоценное топливо? Почему бы не спустить его в круглую полынью, почему бы попросту не оставить где-нибудь подальше от лагеря, облив водою и обеспечив тем самым прочный ледяной саркофаг?

Вандер Глопп, философствующий бродяга, единственный в лагере обладатель косматых штанов из шкуры индрикотерия, пояснил ему:

— Людям нужны ритуалы, к которым они успели привыкнуть. Это как рюмка перед обедом и две — после ужина. Привязывает к земли. А еще нужно привязать землю — насажать в нее как можно больше якорей, вымпелов. Что лучше могил свидетельствует о том, что люди здесь все-таки жили?

Утром к берегу прибило обломок мачты, две пустых бочки и фрагмент носовой фигуры.

Фигура изображал женщину, огромноглазую, простоволосую, с открытой грудью и змеей вокруг горла. Она была страшна и походила на утопленницу.

Старатель Микель, обнаруживший фигуру в дымчатых волнах, узнал ее.

— Это Эгле, Королева Ужей, — сказал он в лагере. Все приуныли. «Королевой ужей» называлась шхуна, которая должна была доставить морем съестные припасы — солонину, муку, сушеные фрукты и вяленый чеснок.

— Все это теперь на дне, — заметил Друкс, хозяин прииска. — Десять дней назад был шторм, возможно, он и утопил «Королеву».

— А может, это был гигантский нарвал? — спросил Мигель.

— Нарвал, орка, плавающая льдина — какая разница? — сказал Вандер Глопп. — У нас интересное будущее.

— По меньшей мере, — согласился Друкс и ушел в свою хибару.

— Голодная смерть нам не грозит, — пожал плечами Конан. — Кругом столько мяса! Будем охотиться.

Вандер Глопп с большим сомнением промычал что-то. В этот момент снизу, глубоко из шахты стали подниматься старатели, началась пересменка.

Прииск назывался «Ледяное безмолвие». Конан нанялся сюда на три должности разом: он отвечал за внешнюю безопасность лагеря и должен был возглавить отряд обороны в случае нападения племен зууми и лапфаров; следил за порядком в самом лагере, а также давал предварительную оценку найденным драгоценным камням. Там, глубоко в толще мерзлой земли, обнаруживались цельные рубиновые глыбы, иногда почти идеальной кристаллической формы. Каким образом они возникли там — никто толком не знал. Ученые маги из городов наверняка могли бы объяснить эту загадку, но Друкса интересовала не наука, а нажива, посему магов на прииске не водилось.

К вечеру в лагере начались толки. Зепп Ворчун, негласный лидер второй бригады, мутил умы.

— Теперь самое время бросить все и идти берегом, а потом — тундрой, — разглагольствовал он. — Есть шанс, что доберемся до наступления холодов.

Его слушали молча — каждый про себя осмыслял тяжелую ситуацию. Молчаливые раздумья чаще всего приводят к возмущению. Конан решил вмешаться.

— Вам придется идти сорок дней, а холода начнутся уже через десять, — сказал он, выходя на площадку перед бараком. Ее освещали фона-ри> висящие на лыжах, установленных «шалашиком».

Человек тридцать старателей окружали Зеп-па. Среди них был и Микель, первый вестник несчастья.

— Глупо бросать все и тащиться в неизвестность, — продолжал

варвар. — В пути кто-нибудь обязательно заболеет, устанет и будет замедлять движение остальных. Либо вы оставите его на верную смерть. Этим «кем-то» может оказаться любой. Думайте.

— Нам полгода придется зависеть от удачи охотников, — повысил голос Зепп Ворчун. — Теперь представьте, что вы, выбиваясь из сил, мотаетесь в темноте и метели, ничего не добыли, а в лагере вас ждут голодные товарищи, которые будут обвинять вас. Наверное, даже бить.

Конан подошел ближе к говорившему. Толпа расступилась перед ним. Варвар кожей почувствовал и натянутую осторожность и даже опаску, с которой о нем теперь думали эти люди. Он представляет интересы Друкса, следовательно, он — не свой.

— Бредни пьяного мастодонта, — произнес Конан, оскалившись. — Голодать мы не будем. Набьем побольше мяса и сделаем запас — спрячем его в выработанной штольне. Там оно не испортится.

— А топливо? — спросил нервный Микель. Он справедливо догадался, что главным смутьяном Конан считает его, и теперь очень переживал.

— Неподалеку отсюда — сухой торфяник. За десять дней можно натаскать тьму горючего.

— Мы заболеем зубной гнилью, — тут же высунулся унылый хрящеватый парень по прозвищу Штырь.

— Я часто находил в тундре черепа с прекрасными здоровыми зубами, — ухмыльнулся на это варвар. — Жаль только, что жевать они никогда уже не будут.

Незатейливая шутка разрядила обстановку. Старатели посмеялись и стали расходиться. Зепп сел на бочку из-под ворвани и глянул на Конана с мрачным презрением.

— Когда многие из нас передохнут, Друкс сэкономит кучу денег, — изрек он. — Не забудь попросить у него прибавки. Ты ее выслужил.

Конан приблизился к Ворчуну вплотную и процедил:

— Послушай, мне плевать, что ты думаешь. Я говорю дело. Бунт погубит всех. Я не позволю.

— Смотри, не упади в шахту ненароком, — Зепп отстранил варвара и, насвистывая, ушел в барак.

«Должно быть, его следовало сразу убить», — сказал себе Конан.

Спустя некоторое время он восседал перед небольшой печкою в лачуге, которую делил с Ван-дер Глоппом. Сосед полулежал на нарах и попивал моховую настойку. За тусклым окошком шевелились тусклые сумерки.

— Третью ночь возле лагеря Завертянка поет, — молвил Баядер Глопп между прочим.

— Поет? Скорее, воет, — отозвался Конан, погруженный в раздумья.

— Согласен, дело вкуса. — Баядер Глопп почесал подбородок. — Для моего уха ваши варварские песни тоже...

— Может быть, отпустить с прииска всех желающих? — перебил его варвар. — Пусть убираются. Будет спокойнее.

— Допустим, ты убедишь Друкса, что в случае бунта он потеряет больше, чем прибыль, — рассудительно проговорил сосед. — Но когда беглецы погибунт в тундре — в чем лично я не сомневаюсь, — обвинять все равно будут тебя. Люди так устроены.

— Если бы только знал, до чего я не люблю брать на себя ответственность за других, — проворчал варвар, и в синих глазах его мрачно и тревожно отразились языки пламени.

— А я думал, ты подрядился сюда добровольно, — удивился Бандер Глопп.

— В том-то и дело. Мне нужно учиться. Может, пригодится.

— Ты учишься управлять людьми?

— И этому тоже. Когда-нибудь у меня будет свое королевство.

Сосед Конана присвистнул, покачал головой, но ничего не сказал.

На следующий день работы в шахте были приостановлены. Три бригады старателей тащили на волокушах нарезанные куски торфа и раскладывали их для окончательной Просушки. Конан во главе четвертой старательской группы отправился на охоту.

Небольшое стадо мастодонтов обнаружилось в четверти дневного перехода.

— Ты когда-нибудь охотился на таких гигантов? — осторожно спросил Микель, цепляясь за копье, как за костыль.

Мимбо, черный великан с вывернутыми губами, загоготал басом.

— На моя родина водятся такие, только больше, много-много больше. А-ха! Я убивать их и не хвастать даже перед женщин!

— Вон тот, видите, — чуть в стороне от остальных, — Конан указал острием своего копья на выбранную добычу.

— Может, лучше убьем детеныша или старого? — предложил Микель. — Этот больно силен.

— Детеныша будет защищать мать, и нам плохо придется. А у старого мясо жесткое и вонючее. Цельте копьями в брюшину и задние ноги — тогда он не сможет быстро двигаться и истечет кровью.

Борьба мастодонта за жизнь и его агония были величественны и даже

прекрасны. Правда, только Конан и Мимбо сумели увидеть это величие и прониклись к умирающему зверю большим почтением. Прочие суетились, отпрыгивали и с безопасного расстояния кололи пиками живую плоть в унылом остервенении мясников. Когда последний хрип наконец вырвался из исполинской груди, всео становились, переводя дух. Один только Микель, как заколдованный, с визгом продолжал бить копьем убитого зверя в бедро. Мимбо вырвал у него копье и закатил ему оплеуху. Конан одобрительно кивнул.

Другие мастодонты отошли подальше и только изредка обеспокоенно трубили, взмахивая хоботами.

Тушу долго разделывали, сразу отвозя отделенные куски. За волокушами оставались следы в виде кровавых полосок. Сумерки слегка сгустились, что обозначало темное время суток. Скрестив руки, Конан стоял спиною к горе мяса и смотрел на горизонт. В какой-то момент он опустил глаза и увидел совсем рядом Завертянку. В ней было что-то от женщины и одновременно — от прозрачного зеленоватого насекомого, из тех, что живут не больше одного вечера. Завертянка посмотрела на него своими удивительными глазами, вполне человеческими, если не считать их фасеточного строения. Одною рукой она придерживала на груди серую бесформенную накидку, колыхавшуюся от ветра, другая висела вдоль тела. В ее волосах шуршали чешуйки сухого мха.

Если старатель больше полугода не видел настоящей женщины, при виде Завертянки у него слабеют колени. А когда губы на лице ее вдруг вытягиваются в хоботок и она начинает петь голосом, от которого все чешется внутри, человеку уже не кажется странным ее вид...

Иные утоляли с нею мужской голод, после чего постепенно утрачивали человеческую речь. Они уходили в тундру, и никто не пытался их остановить. Гибли эти несчастные или перерождались окончательно — кто знает?

У других хватало душевных сил удержаться. Но эти еще долгое время видели во сне Завер-тянку и слышали ее песнь, скрипели зубами и стонали в горячке.

Одного такого Конан встретил в Йерне. Звали его Йофф. Он заработал на приисках прорву денег, вернулся домой, удачно женился и собирался предаться честно заслуженной праздности. Однако зыбкий голос Завертянки настиг его. Началась тоска. Избитое, промерзшее, натруженное тело стало ныть. Глаз упирался в городские постройки, нелепо приклеенные друг к другу. Йофф метался по своему дворцу, рычал на прислугу, бил жену и шлялся по притонам, нарываясь на потасовки.

Однажды, когда Конан случайно толкнул его плечом в трактире, Йофф выхватил клинок. Варвару пришлось уб,ить его. Умирая, бывший старатель рассказал своему убийце о Завертянке, о сумерках, о дымчатых волнах — под глухой вой перепуганной шлюхи и ругань трактирщика. Стража в этом квартале не слишком спешила на «происшествия», и Конан дослушал Йоффа до конца.

Теперь он видел Завертянку перед собою. Та не начинала петь, только смотрела на варвара. Даже отвернувшись, Конан чувствовал ее взгляд. В этот вечер Завертянка не пела у лагеря — занималась чем-то другим: перелетала с одного валуна на другой, хвтала пальцами ног вертких маленьких порлингов или пялилась в мерцающие волны студеного моря.

Потянулась череда дней. Худо-бедно старатели приготовились к зимовке и вернулись к обычному своему труду. Скоро пошел снег, и небо сделалось темным — опустилось совсем низко. Началась ночь. Снег шел без конца, со стороны моря задул хриплый ветер и принес настоящую стужу, от которой плевок на лету превращался в ледяной шарик.

В шахте было теплее, но все работа пошла медленно — из-за мороза отказала лебедка, и куски отработанной мерзлоты теперь вытягивались вручную. Обычно механизм лебедки согревал большой светильник, от которого теперь пришлось отказаться — экономили ворвань.

— Я бы отобрал у этих мерзавцев все инструменты, — желчно сказал Друкс. — Пусть рвут породу руками, и у них не останется сил бунтовать. А ты, варвар, лучше бы угомонил Зеппа — этот парень еще доставит нам неприятностей.

— Когда он даст мне повод, я убью его, — отвечал Конан спокойно. — Но сейчас он осторожен. Старатели не готовы бунтовать, и Ворчун выбирает момент. Я думаю, дней через двадцать такой момент настанет.

— Почему именно через двадцать?

— По моим подсчетам, в это время кончится вся выпивка в лагере.

Друкс помрачнел еще больше. Конан усмехнулся про себя. Хозяин прииска мало чем отличался от своих старателей, разве что был более удачлив. В остальном он всецело принадлежал к этому типу людей — жестких, алчных, угрюмых, привыкших к близкому присутствию смерти. Таких же людей воспитывает море — беспощадных к себе и другим. Но пристрастие к спиртному делает их уязвимыми. Они не похожи на беспечных городских гуляк или забубённых горьких пропойц — выпивая, эти люди остаются мрачно-целеустремленными, крепкими. Но если отнять у них выпивку, они начинают томиться и серчать.

Конан не сторонился хмельного питья, находя в нем источник

жизнелюбивого удовольствия. Здесь он старался не пить потому, что, опьянив-шись, начинал желать женщину. Ему было даже любопытно, как, столкнувшись с подобным желанием, поведут себя эти люди, преувеличенно-мужественные и суровые. До сих пор они ограничивались нудным пересказом похабных историй, неправдоподобных и оттого неинтересных. Один только Мимбо держался с достоинством, уважая в себе княжескую кровь. Кстати сказать, он своим примером опровергал расхожее мнение, будто бы чернокожие плохо переносят холод.

Как и предполагал варвар, спиртное иссякло через двадцать дней. Небольшие запасы мховой настойки хранились у Вандер Глоппа, но об этом знали только он сам и Конан.

Вандер Глопп духом не томился — ему так уютно было в тесной, жарко натопленной лачуге, что просто зависть разбирала. Часами после работы он пролеживал на нарах и, глядя на раскаленную печную дверцу, размышлял о чем-то.

— Ошибкой было приезжать сюда, — как-то сказал ему Конан. Это было на четвертый день вынужденного «сухого закона». Ветер гудел за стеной с особенной злостью.

— Большой Хелль, — отозвался Вандер Глопп.

— Что? — не понял Конан.

— Так называют северную тоску поморы. Большой Хелль. Ничего, самое трудное — вынести первую зимовку. Мне, помнится, казалось, что конца ей нет...

— Конец приходит всему, даже твоей настойке, — заметил Конан. — Ничего не происходит — это плохо. Я теперь понимаю тех, кто хотел уйти.

Сосед варвара усмехнулся и зевнул.

— А я люблю, когда ничего не происходит. Со мной столько всего успело случиться, что в такие дни я отдыхаю и радуюсь от души. Никуда не надо идти. Ничего не нужно тащить на себе. Теплушка, кусок жареного мяса и койка — все, что нужно человеку.

Конан исступленно зарычал, но в этот самый момент кто-то исступленно принялся колотить в дверь снаружи.

Микель, попав в лачугу, прилип руками к печному боку, моментально опьянел от теплого воздуха, насыщенного парами мховой настойки, принужденно улыбнулся и только после сообщил:

— Хозяин требует тебя на шахту. Там ребята кое-что нашли.

— Рубин?

— Нет, там другое... А рубинов уже неделю не было...

Микель вертел головой, стараясь догадаться, где Вандер Глопп хранит бутыль с настойкой.

Застегнув утепленную куртку, Конан крепко ухватил старателя за плечо и повлек его за собою к выходу.

— А ты не пойдешь? — спросил он у соседа, но тот, закрыв глаза, притворно храпел.

Друкс встретил их у входа в шахту.

— Я никогда не видел такой ерунды, да и ты, наверное, тоже, — сказал он Конану.

— Да скажи наконец, что это? — потребовал варвар.

— Это труп.

— Меня вытащили на мороз, чтобы показать мне труп? — Конан сердито уставился на своего работодателя. Тот фыркнул и направился вглубь, покачивая факелом. В его отсвете стены шахты жирно поблескивали. Конан пошел следом. Микель с тяжелым светильником замыкал шествие.

Старатели, караулившие находку, были рады оторваться от работы и почесать языки. Их голоса слышались уже на втором ярусе. Спустившись до пятого, Конан свернул налево, в штольню, за мерцающим факелом Друкса.

Штырь, Гонза и еще двое, имена которых Конан не помнил, расступились.

— Светильники ближе! — распорядился Друкс, и через мгновение желтоватый свет ярко озарил камеру штольни.

Гладкое, иссиня-белое тело, сходное с человеческим, неестественно выделялось на фоне черной, блестящей породы. Оно казалось вырезанным из цельной глыбы мыльного камня и было таким же твердым и холодным. Тело лежало на спине, вытянувшись. Узловатые руки, очень длинные, были скрещены на голом животе. Пальцы рук заканчивались искривленными, матово-черными когтями. Ноги же вместо пальцев оснащались роговыми крючьями, по шести на каждой ноге.

На теле не было ни одного выраженного признака пола, а лицо, безбровое, лишенное даже ресниц, походило на маску тонкой работы — в нем застыла странная, отталкивающая красота. Под высоким бугристым лбом размещались большие глаза, расставленные широко и краями уходящие на виски. Заклеенные окаменевшими веками, глаза эти словно оставались зрячими, и это пугало. Тонкий нос обладал чуткими нервными ноздрями, и было похоже в мерцающем свете, что ноздри эти трепетали. Плотно сжатый тонкогубый рот язвительно кривился.

— Ишь, скорчил рожу, — заметил Штырь, и другие старатели коротко хохотнули.

— Как вы нашли его? — спросил киммериец, бесстрастно рассматривая мертвеца.

— Он стоймя стоял, в породе, — пояснил Гон-за. — Мы сначала плечо увидели — оно торчало из стены. Ломом поддели снизу, мерзлота осыпалась, он и выпал. Мы сюда его снесли. Давно он тут, эвон — одежа вся истлела.

— Непохоже, — пробурчал Конан.

Друкс приблизил факел к самому лицу окаменевшего и произнес:

— Это древний. Лет с тыщу, а то и две назад он провалился в болото. Мертвяки в болоте не гниют, я точно знаю. Тут раньше тепло было, а потом все замерзло. И этот в болоте замерз.

— Не было здесь болота, — объявил Гонза. — Болото образует бурую породу, которая режется, как масло. А здесь — черная, зернистая и крошится все время.

— Древние были людьми, а это не человек, — заметил Конан.

— Кто же это тогда?

— Понятия не имею.

— Должно быть, он стоит кучу денег, — предположил Друкс, на что варвар ответил:

— Я не дал бы за него и медяка.

— Надо закопать его в отвал, — бледнея, сказал Штырь. — Все-таки это покойник...

— Покойнику все равно, где валяться, — ощерился Друкс. — Завтра мы заколотим его в ящик и отнесем на склад.

— Хочешь вывезти его на большую землю? — поинтересовался варвал. — Продашь колдунам или будешь показывать его на ярмарке?

— Все, что найдено в этой земле, принадлежит мне, — хозяин прииска пожал плечами. — Я найду, как использовать эту диковину. Жалко — никто не знает, что это за тварь.

— Боишься продешевить?

— Ага.

— Может, это — один из ночного народа? — высказался Гонза.

— Вряд ли, — покачал головой Конан. — Когда кто-то из ночных созданий погибает, от него остается только ворох спутанной паутины. Кем бы ни было это... оно мне не нравится.

И варвар пошел к выходу из штольни. Старатели направились следом.

— Ну и плевать, — сказал Друкс.

Вернувшись в свою лачугу, Конан пытался избавиться от неприятного чувства, которое возникло рядом с окаменелым трупом. Сначала он скрипел зубами, лежа на топчане, потом вскочил и принялся расхаживать взад-вперед по тесному ломещению. Вандер Глопп глядел на него сквозь ресницы. Наконец он не выдержал, кряхтя, поднялся и произнес:

— В такой темнотище, конечно, неважно, который теперь час. Однако мне нужно выспаться. Я поделюсь с тобой настойкой, если ты угомонишься и ляжешь баиньки.

Варвар согласно кивнул, выпил кружку резко-пахнущего спирта, взъерошил гриву своих черных волос и уселся на постель, подперев тяжелый подбородок кулаком.

— Я считал себя совершенно бесстрашным, — сообщил он соседу. — Но сегодня испытал кое-что, похожее на страх или оторопь. Это не дает мне покоя. Похоже на предчувствие беды. — И варвар рассказал об увиденном.

Вандер Глопп поднял брови, выслушал Конана очень внимательно и произнес:

— Занятно.

— И только-то?

— Ты зря смущаешься. Ты не напуган. Это больше похоже на брезгливость. В шахте тебе показали нечто чуждое человеческой природе. Затрудняюсь сказать, что это... Да и не важно. Давай-ка спать.

— Завертянка так же чужда человеку, — возразил Конан. — Я видел ее совсем близко, и она была живая. Но меня это не смущало.

Вандер Глопп погасил лампу, зарылся в ворох одеял и лениво процедил:

— Очень многое зависит от степени чуждости. Завертянка и прочие здешние твари рождены землей — холодной, неприветливой, покрытой мраком. Но люди уже давно живут на ней и считают ее своей. А голый мертвец из шахты вполне может быть порождением совсем другого мира.

Мир этот, скорее всего, сгинул, растворился во времени так давно, что от него не осталось даже легенд. Не только наш разум ничего не знает о нем, но и в нашей крови не сохранилось воспоминаний.

— Воспоминания в крови? Объясни, — потребовал варвар.

— Попробуй подпоить Мимбо и заставь его рассказать сказку-другую из тех, что когда-то ему рассказывала мать... — Философ-бродяга зевнул и продолжил, борясь со сном: — Ты обнаружишь, что сказки эти удивительно похожи на те, что ты сам слышал в детстве. То же самое удивит и Гонзу, и Ворчуна... Когда-то все человечество было в

младенческом состоянии и поэтому... Словом, кровь помнит те вечера, когда люди-младенцы грелись у первого огня, а боги-творцы рассказывали им сказки. Так приключения круглого пирога, злокозненно съеденного в финале, суть коловращение небесного светила... А разбитое яйцо отражает... зарождение мира... мир — вселенская яичница... с луком...

Вандер Глопп умолк и задышал глубоко и ровно.

Лет ему было много больше сорока, что делало его в глазах молодого варвара глубоким стариком. По части жизненного опыта сосед Конана и впрямь не был юнцом, знал и видел предостаточно. Наиболее заметной деталью его лица являлся сизый, хрящеватый нос, перебитый во многих местах. Один только этот нос свидетельствовал о бурной и пестрой биографии, а также разоблачал привычку владельца к выпивке. Морщины разнообразных форм указывали на другие привычки — например, щуриться, размышлять и ухмыляться. Цветом лица Вандер Глопп походил на курительное зелье, а половина его зубов была из железа. Некоогда он собирался стать ученым и постичь суть многих вещей. Маг, к которому пытливый юноша нанялся в подмастерья, оказался скучным, черствым субъектом. Его фантазии не хватало даже на то, чтобы придумать шарлатанский фокус. Юный Вандер Глопп сбежал от него через месяц.

Алхимия также не увлекла его, а ремесло звездочета поначалу понравилось. Таинственные названия звезд и созвездий, не менее таинственные перемещения их по небу — все это было занятно и позволяло мечтать. Однако очень скоро искатель истины был разочарован.

«Вислобрюхий лавочник, родившийся под знаком Пантеры, не похож ни на Пантеру-созвездие, ни на пантеру-животное, — подумал Вандер Глопп. — Не может быть ничего общего между пошлым, скупым занудой и девятью красивыми звездами в небе. Это обман. Предсказания часто не сбываются, а лавочники все равно будут платить за них деньги, потому что им лестно находиться в зависимости от небесных тел...»

И Вандер Глопп удрал от звездочета.

Надо увидеть жизнь, решил он. Узнать людей. И не этих кислых горожан, а людей настоящих. Надо внимательно наблюдать за ними, научиться их понимать.

С этими мыслями молодой человек устроился на серебряный рудник. Туго ему пришлось по первости, но тело окрепло, а разум обратился внутрь. Вандер Глопп изучал не окружающих людей, а самого себя, толкая по узкому проходу тяжелую тачку. Это было в глубине Ванахейм-ских гор, довольно далеко от дома.

В самых недрах рудника сам собою созрел бунт и вдруг вскипел,

вылился наружу. Однообразные стычки и скучная, остервенелая расправа над начальством совсем не понравилась Вандер Глоппу, хоть он и принадлежал к угнетаемому меньшинству. К тому же княжеская дружина вот-вот должна была преодолеть перевал. Все это превратилось в досадное недоразумение, которое мешало самопознанию и в перспективе оборачивалось смертной казнью.

Тогда Вандер Глопп бежал, унося в мешке серебряный самородок, полкаравая хлеба и разрозненные страницы дневника, содержащие меткие наблюдения и мудрые выводы из них. Хлеб скоро был съеден, рукопись при рассмотрении оказалась высокопарным вздором и пошла на растопку костра. Дружинники нашли его утром и велели показать руки. Ладони были черны — серебро въелось под кожу. Вандер Глоппа приговорили к повешению, но по счастью кто-то решил, что в качестве гребца бунтовщик претерпит сильнейшие муки.

— В сущности, здешняя баланда равноценна шахтерской похлебке, — рассуждал философ, прикованный к скамье. — А свежего воздуха здесь больше, чем на руднике. Морской климат полезен...

Полностью ушедший под собственную кожу, Вандер Глопп выполнял тяжелую работу механически, без участия души, и посему не слишком уставал. Вероятно, размышления его были плодотворны. И как знать, может быть, он открыл бы новейшую всеобщую теорию всего, если бы ванахеймскую грузовую галеру не захватил знаменитый пират-поэт Ритч Руфус. Всех пленников, согласных ему служить, Руфус напоил ромом, а несогласных выбросил за борт, без злобы и весело. Душегубство не опьяняло его.

— Я жажду интересного, — говаривал он. — Я хочу найти себе красивый остров в теплом море и стать его правителем. А разбой — это так, эпизод, каприз дженьльмена. Я больше, чем пират, и этим хорош.

Остров так и не нашелся, и Руфус закончил так же, как и многие поэты — помер от белой горячки. Вандер Глопп не сумел до конца определить, кем он был, этот человек, — банальным неудачником в нарядном кафтане или тонкой, ранимой личностью? В одном он был уверен — красивый остров нужно иметь в себе самом, а не искать его в бескрайних волнах.

В Аквилонию Вандер Глопп попал через год после того, как «списался» с пиратского судна. Ремесло наемного солдата прельстило его простотой. Топать в хвосте колонны приходилось чаще, чем воевать, а марш-броски весьма способствуют размышлениям. Но подвернувшись ненароком под удар рыцарского копья, лежа на поле боя и вглядываясь в знакомые созвездия, искатель истины вдруг пересмотрел свою точку

зрения. Собственная персона перестала казаться ему чем-то значимым, достойным изучения. Жизнь как таковая неожиданно увлекла Вандер Глоппа, и он радовался даже боли в пронзенных кишках. Следовало быстро приучить себя к мысли, что смерть — это тоже жизнь, хоть и другая, но некая маркитантка по имени Фарелла нашла его и втащила в свой возок.

— Если я выхожу тебя, обещай, что не удерешь! — сказала она

Вандер Глопп стал рассказывать ей о неожиданном своем открытии, на что она всплеснула руками и сказала:

— Ну вот, он бредит!

Каким образом Фарелла лечила его — неизвестно, но он не умер, а даже напротив — через два месяца был как новенький.

Смысл бытия открылся ему в обыкновенной земной любви, избавленной от мертвой романтической чешуи и зауми. В любви к женщине с крепкими ногами, бывалым лоном и практичным складом ума. Фарелла работала на войну, переходя от одной армии к другой.

— Подумаешь тоже, наших бьют! — фыркала она. — И новые станут нашими, стоит мне отдаться паре-другой солдат. Что те, что эти — все из одного теста.

Ее философия дала сбой всего однажды, но этого было достаточно: очередные «победители» в виде десятка одуревших молокососов захватили фургон, овладели маркитанткой по очереди и, возомнив себя настоящими «кровавыми псами», повесили ее на березе. Вандер Глопп вырвался, зарубил двоих и убежал.

Смысла более не было ни в жизни, ни в смерти. Стремясь оказаться подальше от всего знакомого и привычного, Вандер Глопп очутился на берегу полуденного студеного моря и жил тут уже лет десять. Он был и охотником, и старателем, и знахарем. Рубцы затянулись. Одних убивают серые сумерки без конца, а других, напротив — лечат от тоски. Большой Хелль пугал Вандер Глоп-па меньше всего. Впрочем, теперь он вообще ничего не боялся. Смыслом его жизни оказался внутренний покой, и Вандер Глопп обрел его.

Приятелей разбудил резкий, настырный звук: кто-то в кромешной темноте колотил в сигнальный гонг.

— Рановато для начала первой смены, — пробормотал Вандер Глопп.

— Это сигнал тревоги, — сказал варвар. — Что-то стряслось.

— Если это чья-то шутка, оторви шутнику... — хмуро пожелал сосед Конана. Варвар наскоро запахнулся в меховой плащ, пристегнул ножны и выскочил в обжигающий холодный мрак.

У дверей хозяйственного барака плясали огоньки трех факелов и

передвигались еле различимые тени. Подойдя ближе, Конан разглядел Зеппа, Микеля и Гонзу. Гонза был бледел, а Микеля тошнило — он мычал и падал, скрючившись. Тревожный гонг продолжал сотрясать ледяную ночь.

— Там внутри — старатель Скиба, — мрачно изрек Зепп. — Его убили.

— Можно было подождать с этим до утра. — Конан двинул плечом. — Скиба подрался с кем-то, его зарезали — ну и что? К чему будить весь лагерь?

— Его не зарезали.

— Значит, ему проломили голову.

— Нет, это другое, — сказал Зепп. — Совсем другое...

— Его разорвали, как кусок мяса, — проговорил Гонза. — Как сырую отбивную...

Микеля в очередной раз вывернуло.

— Кто это обнаружил? — спросил варвар.

— Мы втроем, — ответил Зепп за всех.

— Когда?

— Недавно. Перед началом смены мы хотели собраться и обсудить кое-что, что тебя не касается. Скиба шел впереди меня, а потом пропал. Мы ждали его здесь, пока не увидели, что дверь в барак открыта.

— Кто заглянул внутрь?

— Я. — Зепп засопел. — Посмотри сам, что с ним случилось. Человеку такое не под силу. Так что меня не подозревай.

Варвар отобрал у Ворчуна факел, отодвинул своего собеседника в сторону и вошел в барак.

Изувеченное тело лежало в двух шагах от порога в большой луже застывшей крови.

— Похоже на снежного леопарда, — сказал Гонза, стоя в дверях. — Глянь — вырван живот и оторвана мякоть бедра.

Конан осветил факелом заледенелые доски пола.

— Следы вовсе не похожи на леопарда, — отметил он. — Может, медведь... А зачем Скиба зашел сюда?

Ему никто не ответил.

Выйдя из барака, варвар осмотрел снег кругом, но все было истоптано. Только две капли крови, упавшие, по всей видимости, с морды неизвестного зверя, выделялись на белой поверхности.

— Кто колотит в гонг? — поинтересовался Конан, потому что сигнал тревоги все еще разносился над лагерем, отчаянно и безнадежно.

— Штырь, — отвечал Гонза.

— Скажите ему, чтобы прекратил. Иди, Ми-кель, скажи ему.

— Я никуда не пойду! Я не пойду никуда! — заорал Микель, барахтаясь в снегу. — Ты, ты должен охранять нас. А его съели! Пока ты спал!

— Заткните его, — велел варвар, но Микель утих без посторонней помощи.

Со стороны жилых бараков приближались голоса и фонарные огоньки.

— А что здесь делал Штырь? — спросил Конан. — Ему не нужно было выходить на утреннюю смену.

— Не твоего ума дело, — с готовностью ответил Зепп Ворчун.

— Может быть, да, а может быть, и нет. Зепп не изъявил желания продолжать беседу. Из числа новоприбывших Конан выбрал Мимбо и еще трех человек, понимавших в охоте. Они принялись бродить кругами и искать следы неизвестного хищника. Но сильный снегопад свел на нет их усилия. Тело погибшего завернули в мешковину и вынесли.

— Зверь вернется, — убежденно сказал Мимбо. — Скоро-скоро вернется. Он большой и сильный, он не наелся. Когда он схватить и жрать кого-нибудь еще, мы его убивать.

Старатели слушали его сумрачно. Друкс, злой и не проспавшийся, велел прекратить валять дурака.

— Лучше возьмите большой ящик, упрячьте в него вчерашнего древнего мертвеца, да снесите на склад, — напомнил он. — За зиму я рассчитываю потерять человек десять, не меньше, это обычное дело. Ступайте работать, нечего прохлаждаться!

Зепп, слышавший это, сверкнул глазом и пробормотал что-то.

Улучив момент, Конан подошел к хозяину прииска и сказал ему:

— Не нужно осложнять мне работу. Ты злишь людей словно нарочно. Если они выйдут из себя, я не сумею защитить твою жизнь.

— Значит, плакали твои денежки, — рассмеялся Друкс и ушел к себе.

Варвар отправился наблюдать за упаковкой таинственного мертвеца. В штольни внесли громоздкий ящик из-под инструментов, на дне которого лежали потемневшие опилки. Штырь и его подручный спорили, кому держать окаменелое тело за голову.

— Она скользкая, я уроню, — бубнил подручный.

— Я тебе уроню! — злобно шипел Штырь. — А ну, хватай!

Конан глядел на них молча. Его веселило странное смущение Штыря — тот суетился и дергался, словно пойманный на дешевом воровстве.

— Я все равно узнаю, что вы делали возле хозяйственного барака, — сказал он вслух. Штырь прикинулся глухим.

Подручный наконец уступил. Он обхватил голову мертвеца и с невероятным кряхтением оторвал ее от грунта. Штырь взялся за ноги. Вдвоем они сумели приподнять тело, но недостаточно высоко.

— Тяжелый, — прокряхтел подручный и выругался. Малиново-красный Штырь повернулся к Конану и злобно крикнул:

— Не хочешь помочь?

Презрительно ухмыляясь, варвар ухватил тело посередине. Ему случалось поднимать груз и потяжелее этого, хотя он и не ожидал, что мертвец может весить столько. Но самое удивительное: сегодня на ощупь тело было теплым и напоминало не камень, а отполированное дерево. От этого ощущение брезгливости только усилилось.

Его уложили на дно ящика. Штырь изготовился уже накрыть ящик крышкой, однако Конан жестом велел ему повременить. Он внимательно осмотрел загадочного мертвеца еще раз и готов был поклясться, что в нем что-то изменилось. Но что именно? Может быть, усмешка на твердом лице сделалась еще язвительнее?

— Кто сказал, что мертвые не смеются? — пробормотал варвар в задумчивости.

В большой спешке старатели заколотили ящик, им не терпелось избавиться от малоприятного зрелища. Потом, придавливая друг другу руки и переругиваясь, они повлекли ценный груз к подъемнику.

Друкс ждал их на складе. Он был уже хорошо пьян, и это оживило его.

— Снимайте крышку, — приказал он. — Я хочу посмотреть на моего красавца!

Штырь с подручным сделали, как он велел, и быстро удалились. Конан остался.

— Нужно придумать ему имя, — сказал Друкс. — Например — Рупрехт. А? Хорош, хорош, хоть и чучело. Он принесет мне удачу.

В настоящее время Друкс нуждался в удаче, даже очень. Прежде она благоволила ему, как зачастую женщина вопреки здравому смыслу благоволит негодяю. Рано или поздно, но она теряет терпение и покидает недостойного. Так же случилось и с удачей хозяина.

Сын богатых и знатных родителей, Друкс с юности вел двойную жизнь. Для большинства своих знакомых он был спокойным расчетливым человеком, весьма предприимчивым, солидным и скромным. Но были и такие, кто знал Друкса в качестве записного игрока, неистового гуляки, идущего на поводу своих страстей. По ночам он в бешеном веселье проматывал то, что зарабатывал днем.

Огромные суммы уходили на содержанок, хотя странный молодой

человек редко пользовался их интимными услугами. Большее удовольствие он получал от власти над этими разукрашенными куклами. Может быть потому, что в детстве его не баловали игрушками.

Еще он окружил себя сворой прихлебал, и каждый прихлебала воображал себя хитрецом, а Друкса — простаком, за чей счет можно поживиться.

Но Друкс видел их насквозь — они забавляли его, он стравливал их друг с дружкой, вынуждал поддакивать себе и исподволь смеялся, а потом отшвыривал их прочь, как негодное тряпье.

Играя на деньги по-крупному, Друкс не испытывал азарта — ему хватало волнения противника, он напивался чужими чувствами, словно вампир. Однажды он осознанно проиграл несколько раз кряду начинающему мошеннику — только для того, чтобы посмеяться над его самонадеянной алчностью.

А по утрам, с неизменно постным и благочестивым видом Друкс занимался почтенными деловыми операциями и слыл образцовым горожанином.

Но однажды, наблюдая за деловой суетой серьезных господинчиков в ратуше, Друкс не выдержал. Он рассмеялся, взъерошил свои волосы, дал пинка секретарю и вылил полную бутылку чернил на голову одному тороватому ремесленнику, с которым за минуту до этого подписал выгодное соглашение. Заливаясь безумным смехом, он прыгал по столам, расшвыривал кипы бумаг и даже запустил абаком в физиономию надзирателю торговой палаты.

Друкса призвали к порядку, то есть — вывели вон при помощи стражи. На этом деловая карьера Друкса закончилась.

Денег у него оставалось еще довольно, и город приблизительно полгода содрогался от бешеной гульбы бывшего делового человека.

В один замечательный вечер некий путешественник с севера, гулявший без отдыха много дней кряду, попал за один игральный стол с Друксом. Звонкие монеты у путешественника иссякли, не хватило даже расплатиться за вино.

В угаре поставил он на кон свое главное сокровище — прииск «Ледяное Безмолвие». Друкс выиграл его в три броска и тут же сам составил все надлежащие документы. Путешественник, протрезвевший и подавленный, покинул притон нищим. Сказывают, он утопился в канале, прокляв напоследок всех игроков вообще и Друкса в частности.

А бесноватый гуляка на следующий же день предъявил своим собутыльникам обширные долговые счета. Привыкшие к постоянной

зависимости от своего главаря, нахлебники как-то незаметно для себя очутились на прииске в качестве очень дешевой рабочей силы. Некоторые из них бежали и погибли в тундре, некоторые tie выдержали непосильных трудов и зачахли. Но это Друкса не волновало. Прииск приносил прибыль, сказочную, грандиозную — о такой он и не мечтал. Друкс мог бы вернуться назад, однако, исполненный презрения к человечеству, предпочел поселиться тут же, в неказистой лачуге.

В старателях не было недостатка. Три-четыре найденных за зиму рубина с лихвой искупали десятки человеческих жизней. «Они — человеки, а я — сверхчеловек, — думал Друкс, глядя на наемных бродяг. — Если существуют они, должен существовать и я».

Зепп Ворчун тоже считал себя сверхчеловеком.

Никто не знал, откуда он пришел, словно Зепп сам собою возник из кислой барачной вони. Лучшие нары, которых он был достоин, стоили жизни их прежнему владельцу — тот некстати заупрямился. Прочие обитатели барака решили, что так и должно быть. Некоторые рычали для вида, хотя в душе покорились сразу.

Была в Ворчуне страшная сила, хоть с виду он представлялся обыкновенным жилистым мужичонкой. Сила эта выглядывала иногда из глаз Зеппа, сквозь спутанные космы, когда Ворчун глядел исподлобья. «Люди — волки, — говаривал он. — Все остальное — вранье!».

А вечные подростки, вроде Микеля или Штыря, глядели ему в рот и подвывали, как волчата...

Варвар был очень неудобен Зеппу. Если Друкс был противником закономерным, игравшим по тем же правилам, то Конан ни во что не играл и отвергал все волчьи ритуалы. С ним невозможно было не считаться. Но самое опасное качество его заключалось в спокойствии. Конана невозможно было вывести из себя. Кроме того, что особенно злило Ворчуна, среди молодых старателей обнаружились желающие подражать варвару. Нельзя было мириться с этим. Зепп Ворчун долго думал, как исправить ситуацию, и однажды его посетило вдохновение...

Следующий день обошелся без происшествий. Мимбо настаивал на вооруженном патрулировании лагеря, но Конан отговорил его.

— Твой первый план был лучше, — сказал он. — Сторожа не смогут ходить в темноте, а хищник увидит огни и затаится.

Мимбо ухмыльнулся и задал вопрос:

— Скиба, которого съели, почему был без фонаря? Ты думать об этом?

— Нет, — признался варвар.

— Тогда думать теперь.

— В самом деле, почему у Скибы не было ни фонаря, ни факела? — размышлял Конан вслух, сидя на топчане в своем углу лачуги. — Что этот несчастный делал в хозяйственном бараке, один, в кромешной тьме?

— Может быть, чудовище схватило его на тропинке и уволокло в барак? — предположил Ван-дер Глопп.

— Барак запирается на засов. Звери не открывают засовов, а нежить не смогла бы прикоснуться к холодному железу, — возразил Конан. — В смерти Скибы повинен человек, и я найду его.

— Допустим, убийство Скибы было спланировано. Но к чему такие сложности? Его попросту можно было зарезать и представить это как самозащиту.

— Должны быть причины.

— Поймешь их — найдешь убийцу, — молвил Вандер Глопп и подкинул в печку кусок торфа.

Ночью Конану снился мертвец из шахты. В искрящемся сумраке возникало его неподвижное бледное лицо и вдруг искажалось в ярости. А потом увиделись его руки — синевато-белые, с черными когтями, сцепленные на гладкой груди.

От тревожных размышлений, не оставлявших его даже во сне, Конан проснулся в скверном настроении.

В этот день нашли мертвыми еще двух старателей — хищник растерзал их так же, как и Ски-бу. Их изувеченные тела обнаружились возле склада. Никто не мог вспомнить, когда и зачем погибшие вышли из барака среди ночи. И снова возле них не было ни факелов, ни фонарей, хотя даже отлучаясь по надобности старатели брали с собой огонь.

Друкс с учетной книгой в руках шарил по складу и ругался — он был уверен, что убитые хотели обокрасть его. Подтверждением этих подозрений служила выломанная дверь, висящая на дужке бесполезного теперь замка.

— Странно, *— сказал варвар, осмотрев дверной косяк. — Такое ощущение, что дверь выбили изнутри.

— Чушь, — отрезал Друкс. — Но что это? Мерзавцы вскрыли ящик с моим окаменевшим приятелем!

Он сорвал крышку, гвозди из которой, согнутые, валялись на полу.

— Они, к счастью, не успели ему повредить, — бормотал он, рассматривая неподвижное страшное тело. Конан взглянул на нечеловеческие останки и хмыкнул.

— Глупо воровать такую громоздкую тяжелую штуку, — заметил он. — По-моему, здесь дело в другом.

— Оставь свои мысли при себе, — ядовито сказал хозяин прииска. — Я плачу тебе за охрану моего добра, но ночной хищник справляется лучше тебя и не требует жалованья.

Конан пожал плечами и вышел. У него имелась пара догадок по поводу случившегося.

Микель, обжигаясь, глотал похлебку, сидя на своих нарах. Из его водянистых глаз катились слезы. Конан смотрел на него в тишине — ждал.

— Я ничего не знаю, я ничего не видел... — захныкал Микель и поперхнулся. — Что тебе нужно от меня?

— Погибнут все, кого Зепп заставил участвовать в своей затее, — сказал варвар. — У тебя есть еще возможность спасти свою шкуру.

— Ничего не понимаю, о чем это ты говоришь. — Микель взглянул умоляюще. Голос его дрожал.

Конана затошнило.

— Когда пугало, которому тысячи лет, начнет выедать тебе потроха заживо, ты вспомнишь мои слова, — произнес он. — Ты же видел, как это было со Скибой. Ты все видел. Я только в толк не возьму, как Зепп догадался, что каменный труп можно оживить. Не знаешь?

Неожиданным быстрым движением Конан нанес Микелью сильную пощечину, от которой тот повалился на пол.

— Говори, слизняк! — В голосе варвара появились страшные отзвуки. От ужаса Микель даже рыдать перестал.

— На мертвеце был какой-то амулет. Штырь его украл, верно? И показал Зеппу, правильно? На амулете были письмена? И Ворчун сумел их прочесть? Кто ему помог?

Микель кивнул, причем кровь хлынула у него из носа.

— Сам. Он сам прочел, — давясь, сказал он. — Я не знаю как.

— А бедного Скибу вы попросту принесли в жертву?

— Ему нужно было поесть... Он требовал еды... Как ты догадался?

Конан ухмыльнулся.

— Ваш ходячий труп переменил положение рук. Согласись, это неспроста!

— Ты очень уверен в своей силе? — злобно щурясь, проговорил Микель. — Но это тебе не по зубам. Ты сам — ходячий труп.

Конан пропустил это мимо ушей.

— Если ты подробно расскажешь мне, как выглядел амулет, я не сломаю тебе рук и ног, — пообещал он.

Возвращаясь с рабочей смены, Зепп Ворчун столкнулся с варваром на протоптанной в снегу узенькой дорожке. Копан буквально налетел на него,

и оба они повалились. Фонарь зашипел в снегу и потух.

— Чтоб тебе! — выругался Зепп. — Глаза в теплушке позабыл, да?

Конан промычал что-то в ответ.

— Ты что, пьян? — Зепп оскалился. — Напился? Хорош охранник!

— Пьян? Вздор! — С трудом поднявшись на ноги, Конан неловко отряхивал с одежды налипший снег.

— Ладно, не сердись, — заговорил Ворчун примирительно. — С кем не бывает. Ты куда шел?

— Спать, — отозвался варвар и покачнулся.

— Дурачина! Твоя хибара в другой стороне лагеря.

— Разве? — Варвар погрозил ему пальцем и глупо хихикнул.

— Обожди-ка... — Торопясь, Зепп достал огниво, запалил фитиль фонаря и предложил: — А что, герой, проводить тебя? А то замерзнешь, или тебя съедят.

— Вздор! — упрямо произнес Конан и вдруг обмяк, уцепившись за плечо Ворчуна. Тот тряхнул и прошипел:

— Тяжелый, сволочь!

Огромное тело варвара, совершенно непослушное и глупое, вело себя непредсказуемым образом. Длинные мускулистые ноги превратились в толстые канаты, волочились и путались между собой. Конан все время мычал и то и дело принимался отхаркиваться.

— Куда ты привел меня? — захохотал он, увидев двери склада. Их успели починить, и теперь они снова были заперты. — Разве я здесь живу?

— Да стой ты смирно! — Зепп прислонил пьяного гиганта к бревенчатой стене. — Стой... Сейчас я покажу тебе что-то интересное.

— У тебя есть ключ? — поразился Конан. — Друкс будет недоволен.

— Друкс об этом не узнает.

— А я ему обязат...тельно скажу! — хохотнул варвар и оглушительно икнул.

— Ну-ну! — Зепп наконец закончил возиться с промерзшим замком и потянул на себя тугую створку.

Вталкивая пьяного варвара в темноту, Ворчун крикнул:

— Эй, Ах-Кех-Че! Пришло время вечерней кормежки!

В гулком холодном помещении раздался скрежещущий визгливый звук и породил кошмарное эхо. Зепп захохотал, но в этот момент Конан неожиданно и крепко ухватил его за шиворот и бросил в глубину склада. Ворчун споткнулся о мешок и рухнул. Фонарь разбился вдребезги, причем ворвань не погасла — синие язычки пламени заплясали на полу. Обернувшись, зепп увидел, как двери склада затворяются. Он кинулся к

ним и навалился всем телом.

— Выпусти, меня сволочь! — крикнул Зепп Ворчун. — Я доберусь до тебя!

— Сначала договорись со своим приятелем, — послышался голос Конана. — Попробуй!

Зепп приблизился к ящику, из которого доносились пронзительные звуки.

— Ах-Кех-Че! — воззвал он. — Не медли!

С грохотом крышка ящика взлетела кверху. Синевато-белая, гладкая фигура поднялась из него. Глаза на страшном лице широко распахнулись, и в них вспыхнул алчный интерес.

— Выломай дверь! — приказал Зепп, но Ах-Кех-Че не двинулся с места. Вместо этого он выразительно посмотрел на Ворчуна и вдруг с шипением открыл пасть. Показались острые иглообразные зубы.

— Не мешкай, ломай дверь! — кричал Зепп. — Мы же сгорим!

Но чудовище и не думало подчиняться. Легким прыжком оно выскочило из ящика и снова зашипело, рассматривая Ворчуна с возрастающим любопытством.

— Эй, ты не смеешь тронуть меня! Ты забыл про амулет!

Зепп похолодел и попятился. Ах-Кех-Че склонил голову набок, приподнял верхнюю губу и выставил вперед длинные свои руки.

— Ну постой же! — пригрозил ему Ворчун и запустил руку за пазуху.

Амулета не было.

Зепп Ворчун пал на четвереньки и взвыл. Огонь трещал, разгораясь все сильнее, пожирая ящики, мешковину и вощеную кхитайскую бумагу. Чудовище не обращало на него внимания. Его интересовала только добыча.

— Друкс в ярости, — сказал Вандер Глопп. — Он просил тебе передать, что ты уволен.

Конан молча смотрел на пожар. Из окна лачуги его хорошо было видно. Он бушевал уже несколько часов и теперь шел на убыль.

— Мне неясно, — произнес Конан, — каким образом Зепп сумел прочесть древние письмена. Неужели он был сведущ в магии?

Последнее слово Конан выговорил с нескрываемым отвращением.

Его сосед пожал плечами.

— Взгляни, — продолжал Конан, протягивая ему амулет. — Я украл его у Ворчуна, пока мы барахтались в снегу.

Вандер Глопп осмотрел тяжелый прямоугольник, отлитый из белого, искрящегося металла. В середину амулета был вдавлен небольшой ромбический кристалл синего цвета, а вокруг него располагались

вырезанные значки. Философ-бродяга фыркнул.

— Эх ты, будущий король! — насмешливо сказал он. — Это же руны! Обычные руны, какими все пишут. Ты не умеешь читать?

— Получается, эта тварь не такая уж и древняя? — Конан попытался перевести беседу в другое русло.

Вандер Глопп покачал головой.

— Все-таки ты простофиля, — улыбнулся он. — Руны придуманы богами задолго до появления людей. Их смысл и значение с тех пор не изменились. Люди только чуть-чуть иначе их произносят. Любой может прочесть то, что здесь написано. Вот послушай: «Восстань, проснись, великий охотник Ах-Кех-Че. Утоли свой голод...»

— Бред какой-то, — Конан нахмурился. — Кто же он все-таки, этот монстр?

— Один из демонов. Боги заточили его в мерзлоту, а глупые люди освободили — на свою голову. Так часто бывает...

— Тсс! — перебил его варвар. — Слушай!

За стеною хибары скрипел снег — кто-то прохаживался там и шипел зловеще и пронзительно. Внезапно пламя пожара в окне заслонила тень. Вандер Глопп кожей ощутил прилив ужаса. Белое, неподвижное лицо с горящими глазами смотрело снаружи.

Выхватив меч из ножен, висящих над топчаном, Конан выскользнул в темноту и осторожно обогнул лачугу. Чудовище исчезло, словно и не было его. Варвар остановился.

В отдалении трещали угли пожарища и слышались проклятия Друкса. Попытка старателей погасить пламя снегом не увенчалась успехом, что, впрочем, совершенно не интересовало варвара в данную минуту. Он собирался уже громко выругаться и вернуться в тепло, как вдруг с крыши посыпалась снежная пыль.

— Ах-Кех-Че! — позвал Конан. — Я здесь!

Демон прыгнул сверху. Увернувшись от его когтей, Конан взмахнул мечом, но чудовище оказалось проворнее. Шипя и щелкая зубами, оно кружилось, то исчезая в полном мраке, то вдруг выскакивая и атакуя. Ловким ударом руки, неуязвимой для меча, оно выбило клинок Конана, и тот зарылся в сугроб.

Перекатившись кувырком по снегу, варвар зашел монстру в тыл. Раздумывать было некогда, и он вскочил демону на спину, обхватив его твердую шею обеими руками. Ах-Кех-Че взвизгнул и подпрыгнул так высоко, словно варвар весил не больше пушинки. Подбородком, тяжелым, как наковальня, он давил на левую руку Конана, однако это не заставило

варвара разжать хватку. Чудовище испустило еще один визг и длинными скачками помчалось в темноту.

Бешеная скачка продолжалась долго. Конан уже начал сдавать, от напряжения его руки сводило судорогой. Демон увез его на себе к самому побережью и вдруг сбавил скорость. Варвар отпустил шею твари и, скатившись вниз, отбежал в сторону. Между ним и Ах-Кех-Че находилась полынья, полная ледяного крошева. Глядя в желтые глаза страшилища, Конан оскалился, бросая ему вызов. Тварь подскочила, намереваясь перепрыгнуть полынью, но варвар, ожидая этого, чуть посторонился, и когда Ах-Кех-Че опустился на лед перед ним, просто толкнул его в холодную жесткую грудь.

Силясь восстановить равновесие, чудовище бешено молотило лапами в воздухе, но не удержалось. С ревом оно рухнуло в полынью. Черная вода вскипела на мгновение, затем все стихло.

На берегу с факелами стояли Мимбо и Вандер Глопп.

— Медальон у тебя? — спросил Конан у соседа. Тот проятнул ему блестящую холодную пластину. Варвар повертел его в пальцах и метнул прочь, в темноту.

— Не все написанное стоит читать вслух, — сказал Конан.

— Вообще не читать! — энергично согласился Мимбо.

Вандер Глопп кивнул, соглашаясь.

Скоро они сидели у жаркой печки и слушали завывания вьюги. Если не считать этого звука, над прииском, подтверждая его название, царило ледяное безмолвие.